

ДРУГИЕ
МИРЫ

Олеся Стаховская

БАРОНЕССА,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

Другие миры (АСТ)

Олеся Стаховская

Баронесса, которой не было

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Стаховская О. В.

Баронесса, которой не было / О. В. Стаховская — «Издательство АСТ», 2022 — (Другие миры (АСТ))

ISBN 978-5-17-146090-7

В закрытом мире, правители которого всеми силами сопротивляются навязываемой интеграции с Советом Миров, назревает война. Извечные противники Кардийская империя и Белоярское королевство делят спорные земли. В это тревожное время на границе двух враждующих государств встречаются белоярский аристократ и имперская дворянка. Есть ли у них право на любовь? И есть ли надежда, что запретное чувство не погубит обоих?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-146090-7

© Стаховская О. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Олеся Стаховская

Баронесса, которой не было

© Олеся Стаховская, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

Москва. Межгалактический космопорт и межмировая порталная станция Шереметьево

Стонала Земля, и, вторя ей, рыдало Небо. Великие горы, содрогаясь, уходили под землю. Мелели моря, навеки превращаясь в бесплодные пустыни, дабы, сокрушая все на пути своем, появиться там, где еще недавно цвели сады и росли города. И не было спасения никому: ни эльфу, ни зверю, ни гному, ни человеку.

Пять черных коней мчали над миром гнусных своих всадников. Первый всадник, имя которому Селевр, взмахнул мечом своим. И пали тысячи. Второй всадник, имя которому Ветр, вскинул палицу свою. И пали десятки тысяч. Третий всадник – девица Лада, ликом светлая, но душой чернее темной ночи – плюнула в воду. Стала вода кровью. И пали сотни тысяч. Четвертый всадник – жена Макошь, ликом добрая, но сердцем лютая – дунула в воздух. Стал воздух песком. И пали тысячи тысяч. Пятый всадник – жена Мара, порождение тьмы и порока, и ликом, и сердцем препоганая – не плевала, не дула, мечом не махала. Лишь глядела на творимое и веселилась. Отверзла уста свои, хуля и Землю, и Небо, и эльфа, и зверя, и гнома, и человека. Воздела руки свои и призвала души павших, дабы низринуть их в бездну лютую, где только плач и скрежет зубовой.

Преисполнились Земля и Небо яростью. И родили они дочь, иже красотой неопишущей и мудростью была прославлена. И наделили ее силой невиданной и дали имя ей – Валир. Встала дочь Земли и Неба Валир на пути у черных коней и сотворила волшебство великое. «Именем матери моей Земли, именем отца моего Неба заточаю вас, подлецов, в гору самую высокую, в камень самый холодный. И сидеть вам в нем, дондеже не забудутся сотворенные вами мучения и не сотрутся имена ваши из памяти и эльфа, и зверя, и гнома, и человека. Отныне и до века слово мое крепко».

И воцарился мир на Земле и на Небе. И выросли новые города на новых землях. Но помнят пятерых черных всадников и эльф, и зверь, и гном, и человек. И детям своим и детям детей своих наказывают помнить и память хранить свято, дабы не вырвались черные всадники из заточения и не принялись вновь чинить непотребное. И Валир помнят и славят устами своими непрестанно.

– Как тебе сказочка?

Молодая женщина нажала на серебристый браслет, и голографическое окно с прочитанным текстом растаяло в воздухе. Вскинула подбородок, отчего уложенные с нарочитой небрежностью локоны качнулись тугими пружинками, растянула губы в легкой улыбке, внимательно глядя на собеседника.

Ей очень шли и небрежные локоны, и мерцающая помада на пухлых губах, и задорные смешинки в синих глазах. И сокрушающая свежесть юности. Так, по крайней мере, думал ее визави, размышляя также о том, как несправедлива жизнь, отмеряя одним веком короткий, людской, а другим – мафусаилов, эльфийский. Он сам, конечно, сохраняет приличную форму в свои чуть за семьдесят, и больше сорока – сорока пяти ему мало кто может дать. Но рядом с ней, практически одногодкой, смотрится пожухлым меценатом, вынужденным покупать внимание юных дев. Одна такая сидит сейчас напротив и безошибочно угадывает его тоскливые мысли. Другая, не менее юная и прекрасная, но, к счастью, менее умная и наблюдательная, радостно порхает по торговым комплексам космопорта, облегчая его счет. На значительные суммы, если судить по всплывающим на браслете сообщениям банка.

– Обычная мифология, – пожал плечами мужчина. – Таких сказочек в любом из миров более чем достаточно. Да и здесь у нас этой космогонической мутью библиотеки завалены.

– Севка, не занудствуй!

Мужчина и женщина сидели за столиком ресторана vip-зоны, которая располагалась на крыше космопорта, укрытая от шума и непогоды прозрачным защитным куполом. Ресторан был стилизован под ухоженный английский сад, где перегородками служили живые зеленые изгороди и небольшие фигурно постриженные деревья. Залы ресторана разделялись весьма условно: декоративными руинами, пестревшими многоцветьем палисадниками или небольшими мостиками. В рукотворных речушках лениво плавали жирные карпы, прямо из водоемов попадавшие вначале под нож повара, а затем в тарелку клиента. Официанты сновали между столами по присыпанным гравием дорожкам.

Всеволод Петрович Листунов, резидент Лис, много лет подающий надежды «молодой» специалист Министерства межмировых коммуникаций, понимавший, что таким «молодым» и «подающим» уйдет на заслуженный отдых, меж тем в целом был доволен жизнью. Доволен ровно до таких вот встреч, которые наглядно демонстрировали, как одна гуманоидная раса может отличаться от другой. И до момента, когда в очередной раз настигает понимание, что возраст, назначенный одним в качестве заката, для других лишь начало взросления.

Еву Всеволод Петрович знал со времен трудной, но увлекательной юности. Они вместе учились в Академии при Министерстве, готовившей офицерский оперативный состав внешней разведки. Эльфов в Академию брали неохотно. Примечательная внешность – определяющая характеристика этой расы – в разведке была помехой. Но для Евы сделали исключение. Слишком впечатляющими оказались результаты интеллектуальных и психологических тестов, а также проверок на силу и выносливость. Кроме того, она была сиротой, что для разведчика считалось преимуществом.

В Академию Ева попала прямиком из закрытой кадетской школы, которую курировало все то же Министерство. Путь же к кадетской школе был тернист и кровав. Природа наделила девочку сильным характером. На уступки она шла лишь тогда, когда это было выгодно ей. Насмешек не терпела, оскорблений не спускала. Боль от ударов, синяки, ссадины, разбитые губы и сломанный нос не стали для нее препятствием на стезе утверждения справедливости. А справедливым она полагала то, что было выгодно в первую очередь ей и малому числу ее друзей. Хотя этих человеческих зверенышей, хребтом чувствовавших силу и беспрекословно, раболепно преклонявшихся перед ней, сложно было назвать друзьями. Так, свита, необходимая любой королеве, даже непризнанной.

Первый случившийся скандал, который не удалось замять руководству детского дома, привел к тому, что трудного подростка перевели в другое учреждение для детей-сирот. Но там она продержалась недолго. Затем последовала череда детских домов. И в каждом история повторялась. В итоге в неполные тринадцать девочка оказалась в казарме для отбросов – так характеризовали кадетскую школу пытавшиеся запугать дрянную девочку учителя и воспитатели последнего приюта, в котором она отличилась настолько, что заведение попало в новостные сводки. По факту же ведомственная кадетская школа стала стартом для блестящей карьеры офицера Министерства межмировых коммуникаций.

Всего этого влюбленный двадцатилетний курсант Севка, конечно же, не знал. Как не знал и настоящего имени своей лучшей подруги. А продвинуться дальше крепкой дружбы за долгие годы знакомства ему так и не удалось. Да он и не стремился. Так и жил, лелея в душе светлый романтический образ, мало совпадавший с реальным.

Сама Ева тоже не знала своего настоящего имени. Первое, официальное, впоследствии засекреченное, Александра Николаевна Александрова получила в приемнике-распределителе для детей, оставшихся без попечения родителей. Шуркой нарекла пожилая нянечка. Фамилия и отчество были внесены в реестры органов загса с легкой руки директора приемника – Николая Александрова. Названных сыновей и дочерей по всему миру у него имелось в избытке.

Александра же Николаевна Александрова меж тем даже не знала языка, который, судя по имени, а не очевидным внешним признакам, должен был считаться ее родным.

Всеобщего новояза землян, возникшего первоначально как суржик русского, английского и китайского, позже сформированного в единый удобоваримый лингвистический продукт экстренной глобализации, ребенок не понимал. Лишь хлопал огромными синими глазами, чем вызывал слезы умиления вначале у персонала больницы, а затем у сотрудников распределительного центра.

Выяснять тайну своего происхождения, как и разыскивать родителей повзрослевшая Шурка не пыталась, рассудив, что раз смогли они, не дрогнув, бросить двухлетнего ребенка во дворе больницы для малоимущих, то и смысла в знакомстве с ними нет никакого.

Александрова Александра, окончив Академию и дав присягу, взамен получила несколько новых имен и биографий, к которым прилагался постоянный риск для жизни и физической целостности. В этой точке их пути с бравым офицером Всеволодом Листуновым разошлись.

Первая после окончания альма-матер встреча состоялась много лет спустя. Шурку Севка не узнал.

На одном из приемов в одной из королевских резиденций одного из отсталых миров, название которого теперь и не вспомнить, перед лордом в нелепо пышном, но модном наряде, с не менее нелепым многослойным именем поскользнулась молодая игривая служаночка. Поскользнулась не случайно. Лорд заметил, что траектории их перемещений часто совпадают. Слишком часто, чтобы можно было списать такие совпадения на волю случая.

Лорд не испытывал недостатка в женском внимании. По местным меркам он был более чем привлекателен. К этому вниманию лорд с труднопроизносимым именем с годами научился относиться благосклонно-снисходительно: без суетливой нервозности, от которой каменеет и становится неуклюжим хорошо тренированное массивное тело, без дрожи в руках, без внезапного, не к месту, заикания и прочих мелочей, мешающих молодым мужчинам производить правильное впечатление на молодых женщин. Служаночку он, одним словом, приметил.

Чуть позже, в полумраке отведенных ему покоев, лорд, чертыхаясь и от нетерпения путаясь в бахромке, воланах и перьях собственного одеяния, был остановлен неуместным, по его мнению, взрывом язвительного хохота.

– Ой, Севка, ой, дурак! Ой, насмешил, – на чистейшем родном для него языке выпалила аборигенка. – Какой же ты доверчивый баран! Как жив-то до сих пор? Не пойму, честное слово. Удачливый черт. Ты бы вначале проверил, нет ли при мне оружия, а уж потом ручонки свои потные тянул.

Лорд сконфуженно наклонил голову. Глупое и растерянное лицо аристократа вызвало новый приступ смеха. До боли знакомого, почти родного смеха. И он, как был со спущенными штанами, так и осел на пол, промахнувшись мимо кровати. А после подскочил и, запинаясь о собственные брючины, одной рукой пытался вернуть на место важную часть облачения, другую протягивал к отпрыгнувшей от него девчонке, простой девчонке, в которой от эльфов, не водившихся в этом мирке даже в роли фольклорных персонажей, абсолютно ничего не было.

– Шурка? Шурка, это ты, что ли? Правда ты?

Он нелепо мотал головой, щурил глаза, точно сослепу. А она заливалась, как... Как дура. Хотя в дураках в итоге все одно остался он.

Так он познакомился с Евой. От Шурки в ней был только звонкий, временами обидный смех. И тот звучал крайне редко. Внешность же изменилась кардинально. Шурка пошла на поводу у собственных нездоровых амбиций и требований серьезных людей, которым не отказывают. Влезла в какой-то сверхсекретный проект, о котором говорила туманно и крайне неохотно. Она сбросила прежнюю, слишком яркую личину, пройдя курс пластических операций и убив в себе эльфа, внешне по крайней мере.

Ева была мастером метаморфозы. По необходимости превращалась в жалкого, обтрепанного пацаненка или же в такую красавицу, что глаз не отвести. Могла быть невинной девой, благочестивой матроной в летах или холодной расчетливой стервой. Какой, как много позже понял Лис, и являлась на самом деле.

Ева была мастером боевых искусств. Владела всеми известными ему видами оружия практически в совершенстве. Да и голыми руками способна была сотворить такое, что многим бойцам спецназа едва ли по силам.

В этом Лис смог убедиться, когда они уносили ноги в сторону ближайшего портала, который, к слову, находился совсем не близко. Ноги уносить пришлось по Севкиной вине. Права была Ева, обвиняя его в чрезмерной доверчивости к женскому полу. Но тут уж Лис ничего не мог поделать. Женщин он любил. И иногда это выходило боком.

К семидесяти с хвостиком Всеволод Петрович обзавелся законной супругой. И не одной. Практически в каждом мире, где ему приходилось застревать надолго, он как честный человек шел в храм и давал все положенные обеты. Ева признавала лишь ту жену, на свадьбу с которой ее пригласили. И которая терпеливо ждала его дома, в Москве.

– Ты все там же? – без особого интереса, скорее из вежливости, спросила Ева, элегантно разделявая жареного карпа.

– Да, Ойкум Четыре. Готовим почву для интеграции.

Ойкумами в Министерстве называли миры, еще не вошедшие в Совет Миров. Порядковый номер соответствовал хронологии их обнаружения. Не так давно и Земля была пронумерованным Ойкумом.

– Успешно?

– Если бы! Без малого двадцать лет! А воз и ныне там. Единственное, чего добился, – получил пост министра финансов.

– Потрясающий карьерный взлет! – хохотнула Ева. – А в Министерстве как?

– Да никак, – Всеволод Петрович вяло махнул рукой. – Опером родился – опером помру.

– Ну да, ну да. Не переживай, я твою могилку не брошу. Буду регулярно навещаться.

Мужчина хмыкнул, покачал головой, но возражать не стал. Конечно, Ева его переживет. И, если не забудет старика Севку, сунет букетик ромашек в вазочку на стене колумбария.

– А ты над чем работаешь? Если не секрет.

– Секрет, конечно, – с самым серьезным видом произнесла Ева. – Закончила один проект. На днях приступаю к следующему. Ойкум Двенадцать. Слышал?

– Слышал, но ни разу не был.

– Не много потерял. Очередной пыльный полуфеодалный мирок. Зато эльфы есть. Их и буду обрабатывать. Если повезет и дело выгорит, следующее назначение уже в Совет Миров.

Всеволод Петрович недоверчиво присвистнул. Попасть в Совет для рядового опера Министерства – случай из области фантастики. Но Ева не стала бы понапрасну сотрясать воздух. Вполне возможно, серьезные дяденьки дали серьезные гарантии. И Ева будет стараться. Он бы тоже старался, замаяч на его горизонте служба в Совете. Из шкуры бы лез, жопу рвал. Понятно, в общем.

Ева расправилась с карпом. Всеволод Петрович с отвращением поглядывал на стейк. Аппетита не было. Напрасная встреча. Напрасно прожитый день. Напрасно прожитая жизнь. Почетная отставка лет через десять, если раньше не попросят дать дорогу молодым. Грядки на подмосковной даче, шашлыки, растянутые треники, пивной живот и табличка в колумбарии как итог жизни. Хотя в целом грех жаловаться. На его долю выпало столько всего замечательного, о чем другие, рядовые граждане, и помыслить не могут. Да по его похождениям пора уже книги писать, сериалы снимать. Кстати, почему бы и правда не накропать что-нибудь авантюрно-приключенческое по мотивам собственной насыщенной жизни и историй коллег по цеху? Взять ту же Еву, например. Вполне можно состряпать роман о шпионке, роковой краса-

вице, покорительнице миров и сердец. Добавить страсти, любви. Огоньку, так сказать. Супруга его, московская, такие книжки уважает. Надо поразмыслить на досуге. В общем, найдет, чем заняться на заслуженном отдыхе, кроме дачи, бани, шашлыков.

– Ойкум Двенадцать, значит. Эльфы, безусловно, весомый аргумент. Легенда про черных всадников и прекрасную Валир оттуда?

– Да, – кивнула Ева. – Был там природный катаклизм пару тысячелетий назад. Может, комета жажнула, может, еще что. В общем, континенты слегка поменяли места и очертания, в результате чего произошло великое переселение народов. Как обычно в таких случаях, все списали на божественные козни.

– Обычно в таких случаях богов боятся и славят. А тут «помнит эльф, помнит зверь...»

– Ой, да ничего они не помнят! – возвела очи горе Ева. – Ни эльфы, ни тем более звери, а уж люди с гномами и прочими разумными, полумразумными и неразумными тварями двенадцатого Ойкума и подавно. И богов боятся и славят как полагается. Этот текст увел со стола Валир наш информатор из местных. Легенда древняя, как сама Валир. Вот она-то как раз помнит. Сама, наверное, и придумала сказочку. Только вовсе она не дочь Земли и Неба. Обычная эльфийская баба. Папка эльф, мамка эльф. Королевствует вовсю. Ее мне и предстоит обхаживать. Наши раньше пробовали сунуться, но получили по щам. И не раз. Сейчас она более миролюбиво настроена. Возможно, рассчитывает на какие-то преференции. Координатор проекта наделил меня неограниченными полномочиями обещать что угодно, лишь бы этот Ойкум вошел в Совет Миров. Видимо, что-то есть в том мирке такое, что не дает покоя Совету. Может, руда редкая или еще какие ископаемые. Хотя единственное ископаемое там – сама Валир. Третью тысячу разменяла и даже не поскрипывает ни в каком месте.

– Подожди! Ты хочешь сказать, та Валир, которая из легенды, до сих пор жива?

– Жива. Что ей сделается. Случаются среди эльфов и не такие долгожители. Правда, им это не на пользу. Вот и Валир. Выглядит как конфетка, а характер – говно.

– А по-другому не бывает у тех, кто выглядит как конфетка, – поделился печалью мужчина.

– А по-другому, Севка, не выжить, – не осталась в долгу Ева.

Стейк давно остыл и потерял привлекательность, карп был съеден, вино выпито. Общих тем не осталось, да и время поджимало. К ним по насыпной дорожке направлялась молодая красавица, судя по экзотической внешности и настороженно суетливому взгляду, иномирянка. Ева оценивающе посмотрела на незнакомку. Понятно, Севка не удержался и притащил из очередного мира очередной сувенир. И как только Маша это терпит?

Заметив взгляд подруги, Всеволод Петрович смутился, и Ева не смогла не поддеть.

– Что, Севка, семьдесят – новые тридцать? Не боишься загнаться от инфаркта? В таком возрасте альковные победы имеют печальные последствия.

Всеволод Петрович вздохнул, но отвечать не стал. Просто расплатился по счету.

– Ладно, Севка, пора мне, – сказала Ева, поднимаясь. – Бывай! Разберусь с делами – загляну. Может, домой к тебе выберусь, давно зовешь, а у меня все никак не получается. Может, на могилку. Тут уж как повезет. Не хворай.

– Береги себя, Шурка!

Старые товарищи крепко обнялись и разбрелись по своим делам. Один пристраивать любовницу в новом для нее мире, другая – покорять новый мир.

Из отчетов Департамента собственной безопасности Министерства межмировых коммуникаций

...Ойкум-12 – обитаемый мир. Разумная жизнь локализована на планете Селевр. Название местное. Населена гуманоидными расами. Культурное, экономическое и промышленное

развитие мира условно соответствует эпохе Нового времени Земли. На Селевре с 2052 года по земному летоисчислению во исполнение Постановления Президиума Совета Миров № 161/1824 от 12.04.2050 успешно функционирует развитая резидентурная сеть, состоящая преимущественно из оперативных сотрудников Министерства. Предыдущие попытки внедрения агентов Советом Миров не приносили результатов и привели к финансовым и человеческим потерям.

...В результате преступного сговора ряда должностных лиц Министерства межмировых коммуникаций и Совета Миров интеграционная миссия, направленная в Ойкум-12, потерпела неудачу. Финансовые потери в виде снаряжения, экипировки, амуниции, вооружения и высокотехнологичного оборудования (киборг L-класса серия S-051.03875, инвентарный номер ММК-0137689561) составляют порядка пятнадцати миллиардов ЕДЭ (единый денежный эквивалент). Финансовые потери, связанные с обучением оперативных сотрудников Министерства, составляют порядка семидесяти миллионов ЕДЭ. Финансовые потери, связанные с обучением резидента Ева, установить невозможно по причине отказа в доступе к запрашиваемой информации.

...За выполнение интернационального долга награждаются орденом Мужества первой степени:

*Александрова Александра Николаевна, резидент Ева – посмертно;
Архипов Сергей Витальевич, резидент Нож – посмертно;
Викторов Алексей Степанович, резидент Волк – посмертно;
Гонсалес Руис Мигель, резидент Гоги – посмертно;
Миллер Кристофер, резидент Че – посмертно;
Стивенсон Адам, резидент Гринго – посмертно;
Фролов Михаил Гоффрэдович, резидент Дантэ – посмертно.*

Глава 1

Ойкум-12. Кардийская империя

Кухарка месила тесто. Брала тугой липкий ком в широкие ладони и с силой швыряла его на стол, поднимая клубы мучного тумана. Затем принималась мять и тереть тесто. Туман нехотя оседал на пухлые кухаркины руки и обтянутый фартуком широкий живот. Не успевала мучная пыль опасть, как тесто снова взмывало вверх и шлепалось на выскобленные доски, поднимая новое белое облако.

Кухонные девки шептались о чем-то у плиты, временами заходясь от хохота. Осекались на миг, поймав суровый кухаркин взгляд, бросались к сковородам и кастрюлям, но их рвения едва хватало на пару минут, и они возвращались к прерванному занятию. Сторож, ветхий старик, которого держали в поместье больше из милости, чем из пользы, дремал возле печи, привалившись к стене, запрокинув заросшую седыми космами и бородой голову, временами всхрапывая открытым беззубым ртом. На усах его, потирая лапки, пристроилась непуганая муха, еще одна застряла в зарослях бороды и монотонно жужжала, пытаясь вырваться из жесткой паутины.

Тали пропустила обед. Такое часто с ней случалось. Стоило выйти за порог дома, как тут же находилась масса увлекательных занятий: гнать галопом по отцовским угождам лошадь, распугивая галок и арендаторов, бродить в саду у дома, придумывая разнообразные драматические и мистические сюжеты с неизменной любовно-лирической линией, валяться под старой яблоней с книжкой – любовным драматически-мистическим романом.

Других книг семнадцатилетняя баронесса не признавала. Барон до определенной степени проявлял снисходительность к слабости женского ума, но дочернее увлечение дамским чтивом не поощрял, не без оснований полагая, что пользы от него мало. Несмотря на мольбы и уговоры, романы он не выписывал.

Баронессе приходилось прибегать к невинным женским уловкам. Посещая небольшой провинциальный городок, до которого от поместья было чуть меньше часа езды в двуколке, Тали не только совершала набеги на шляпные и галантерейные лавки, но и скупала все книжные новинки у знакомого букиниста. Вожделенные дамские романы проносились в дом контрабандой – в шляпных коробках или же тщательно замотанными в отрезки ткани. Но основным поставщиком запрещенной литературы была задушевная подруга Минька. Миньке с романами везло куда как больше. Ее матушка, в отличие от строгого барона, сама оказалась большой почитательницей жанра, находя в нем спасение от гнета семейных будней. Она не видела ничего зазорного в том, чтобы и дочери приобщались к прекрасному. Минькина матушка гордилась тем, что растит начитанных юных леди.

Что до Миньки, то имя свое она получила благодаря столь порицаемой бароном литературе. Так звали героиню нашумевшего лет двадцать назад романа, девушку, которая обладала редкой красотой, что помогло ей сделаться супругой вымышленного эльфийского короля вымышленного эльфийского государства. Звали эльфийскую королеву людского происхождения не Минькой, понятное дело, а Минервой, и славилась она не столько красотой, сколько удивительной для человеческой женщины мудростью. Миньке мудрости той практически не перепало, однако была она прехорошенькой, что отлично сознавала не только сама, но и ее матушка, делавшая на красоту дочери ставку. Минька всю дурила кавалерам головы и раз в неделю навещалась в баронское поместье, поделиться новой сердечной драмой и новым романом в твердом переплете. Из-за которого Тали и пропустила сегодня семейную трапезу.

Для семьи, состоящей всего из двух членов, отсутствие хотя бы одного из них становится заметно. Тали знала, что за ужином отец выразит недовольство, но сделает это как всегда сдер-

жанно: промокнет губы салфеткой, аккуратно отложит ее в сторону, осуждающе посмотрит на дочь, после чего прочтет короткую нотацию о необходимости следовать сложившимся традициям и правилам, ибо это и отличает людей от неразумных тварей земных. Тали виноватым голосом попросит прощения. На том воспитательное мероприятие закончится, ровно до следующего раза. Такова была сложившаяся в доме барона традиция. Одна из многих.

В этот день барон отобедал в одиночестве, а баронесса, спохватившись, лишь когда чувство голода возобладало надо всем прочим, направилась напрямик на кухню, откуда еще ни разу не уходила с пустым животом и в дурном расположении духа. Набеги на кухню хозяин дома не одобрял, но оставлять дочь голодной до ужина не имел моральных сил.

Тали уже допивала душистый травяной взвар (чай, настоящий, сулонский, стоил как хорошее вино и подавался только к господскому столу), когда заметила суету возле окна. Впрочем, суета началась уже давно. Прислужницы то и дело отвлекались от главного своего занятия и подбегали к окну, возбужденно переговариваясь. Кухарка, собравшись было приструнить лентяек, подошла к сгрудившимся девицам, но замерла и стала с не меньшим интересом таращиться во двор.

– Боги великие! Какой красавец! – ахнула она, приложив измазанные мукой руки к огромной груди.

Баронесса не могла пропустить явления красавца, красавцы в их захолустье были делом редким, и кинулась к окну.

Во дворе суетились слуги, выволакивая из двух роскошных экипажей дорожные саквояжи, каждый размером с добрый сундук, и распрягая коней. За процессом наблюдали барон и загадочный красавец. Когда он повернулся лицом к окну, хорошее настроение вмиг покинуло Тали.

Да, граф Виллем д'Оррет был красив. Но этим перечень его достоинств исчерпывался.

Благодаря какой-то нелепой случайности, из-за какого-то невероятного, фантастического стечения обстоятельств граф Виллем Август д'Оррет числился женихом баронессы Талиэн Валерии д'Варро (она же Тали), к взаимному неудовольствию будущих супругов. Виллем не скрывал ни презрения, ни отвращения к невесте. Невеста платила той же монетой. Жених раз в полгода наезжал к барону в компании друзей и дам сомнительной репутации. Тот хлебосольно принимал эту свору, не выказывая недовольства. Кормил, поил, развлекал, но как-то натянуто, через силу. Временами у Тали складывалось впечатление, что бесстрашный барон побаивается будущего зятя, и дело вовсе не в разнице положения и капитала. Здесь крылась какая-то тайна.

Мужчины удовлетворились деятельной суматохой и направились в дом. Тали знала, что барон повел Виллема в свой кабинет. Их встречи всегда начинались затяжным разговором в кабинете барона и им же заканчивались. Мужчины долго, до хрипоты спорили, расходились раздраженными, недовольными друг другом, но в остальное время вели себя мирно и подчеркнуто вежливо. Тали предполагала, что спор велся из-за ее приданого. Барон был небогат, выделить дочери большого содержания не мог, и баронесса искренне недоумевала, почему граф не расторгнет невыгодную помолвку и не найдет себе достойную партию.

И вот наконец настало время разъяснить все раз и навсегда: Тали набралась решимости подслушать разговор отца и жениха.

Попав на господскую половину по лестнице для слуг, она кралась по коридору в сторону отцовского кабинета. На ее счастье, в коридоре оказалось безлюдно. Немногочисленные слуги были заняты тем, что пытались угодить свалившимся на их головы гостям. Виллем в этот раз нагрянул без предупреждения и раньше положенного срока.

Вдоль главного признака благосостояния барона – потемневших полотен с батальными сценами, жуткими натюрмортами с мертвыми кроликами, дичью или истерически тошнотворными розами, разглядеть которые было затруднительно не столько из-за возраста картин,

сколько из-за нехватки в поместье рабочих рук – она шла на звук голосов, доносившихся из кабинета, расположенного возле лестницы. У лестницы Тали замерла, вслушиваясь в разговор, готовая в любой момент сделать шаг вниз по ступеням, чтобы никто не заподозрил ее в неблаговидном поступке. Идет себе в гостиную поздороваться с дорогими гостями, а задержалась лишь на миг, поправить бант на платье.

Беседа между бароном и графом протекала на повышенных тонах. Еще одна традиция родного дома. Барон ругался с графом.

«Чудесно! Может, свадьба все-таки сорвется», – обрадовалась Тали.

Сама идея брака с графом в целом была баронессе мила. Что плохого в том, чтобы стать графиней, после свадьбы с ветерком умчаться в Дирм (столицу Кардийской империи), утереть нос Миньке, а заодно другим задушевному подружкам? Воображение Тали, вскормленное на книгах определенного толка, рисовало балы, на которых она непременно будет блистать и где ее непременно заметит сам император Арвис и станет волочиться за ней, умоляя о снисхождении и суля невероятные богатства. Хотя зачем ей император? Он уже стар. Но есть еще кронпринц Лервис, с которым жених приятельствует. Наследник вызовет графа на дуэль и непременно убьет. А после Тали станет принцессой и начнет готовиться к тому, чтобы надеть корону императрицы.

Таким виделось ей будущее. Приятная его часть. Если бы жених был с невестой любезен и мил, мысли ее не склонялись бы к адюльтеру и его кровавой развязке. Но Виллем сам выбрал свою судьбу.

Несмотря на приятную глазу внешность и молодость, а было ему чуть больше двадцати, граф Виллем д'Оррет сильно отличался от образа романтического героя. Серенады под окнами не пел, нежных глупостей на ушко не шептал и, глядя на нареченную, глаза от счастья не закатывал. Вместо этого сыпал колкостями. И присутствие друзей, с которыми граф имел привычку навещать дом барона, не только не смущало его, но, казалось, еще больше раздражало. Он открыто насмехался над баронессой, стараясь посильнее уязвить ее самолюбие. Граф всячески подчеркивал разницу в их положении и собственное нежелание обзаводиться подобной супругой.

Да и спутники его одним только своим присутствием служили очередной пощечиной невесте. Друзья всегда одни и те же, а вот дамы... Дамы ни разу не повторились. Из чего следовал довольно оскорбительный вывод: Виллем приводил в дом невесты продажных женщин. И пусть они отличались редкой красотой, роскошью гардероба и ювелирных изделий и вели себя вполне пристойно, в присутствии барона по крайней мере, картины это не меняло. Граф хотел унижить невесту, что ему прекрасно удавалось. Он излучал презрение и породил ненависть.

После его непродолжительных визитов в душе баронессы еще долго сохранялся мутный осадок, избавиться от которого помогали мысли о том, что свадьба нескоро и, может быть, все образуется.

Мужчины тем временем перешли на крик.

– Виллем, вы не понимаете, о чем просите! Это переходит всякие границы! – гремел голос барона.

– Всякие границы мы с вами перешли три года назад, когда позволили этой девке остаться в живых. Не будьте идиотом, Гарет! Вы заигрались в любящего отца. Нужно было покончить со всем этим намного раньше. Чего ради, объясните мне, вы решили устроить маскарад с разрывом помолвки?

Сердце Тали учащенно забилося. «Значит, отец хочет свадьбы не больше моего», – мелькнула радостная мысль.

– Зачем тащить девчонку в столицу и представлять ко двору? Давайте, как и планировали, сыграем скромную свадьбу у вас в поместье, а потом внезапная болезнь... В конце кон-

цов, она может умереть, рожая мне наследника. Обычное дело. И никто ничего не заподозрит. Никогда.

– Виллем, девочка стала мне родной. Она не опасна. Вы сами убедились, что она ничего не помнит. Я дал ей свое имя, для всех она моя дочь. Старые слуги остались в приграничном замке, куда мы не наведываемся. Они даже не догадываются, что на самом деле произошло с моей дочерью. О ритуале знает только кормилица, но она поклялась в храме, на крови. Она будет молчать.

– О боги! Гарет, вы несете вздор! Эти игры в любящего отца нелепы! Вы просто выживший из ума старик! Почему я послушал вас? Почему не разобрался с ней еще тогда? Вы дали ей имя, чужое имя. Эта девка не имеет права носить его. Вы дали ей жизнь, и ее жизнь оскорбляет саму память о Тали!

Тали судорожно цеплялась за перила. Она никак не могла осмыслить подслушанный разговор. О ней ли идет речь? Почему она не Тали, а какая-то девка? Может, она незаконнорожденная? Не дочь той красивой и печальной женщины, чей портрет украшает стену отцовского кабинета? Могло ли так случиться, что законная дочь умерла, а ее место занял плод греха, прижитый со служанкой? Даже если так, даже если она не Талиэн д'Варро, а подменыш, почему Виллем жаждет расправиться с ней?

– Я вам уже все сказал и решения своего не изменю. Осенью, если позволят обстоятельства, мы поедem в Дирм, там я выведу дочь в свет. Попробую устроить фрейлиной в свите императрицы, – голос отца (отца ли?) звучал устало, но непреклонно. – Там же вы объявите о расторжении помолвки. По любой причине, какая вас устроит. Полюбили другую, недостаточно приданого, не захотели породниться с опальным бароном. Все что будет угодно.

– Нет, вы действительно безумны! Война на пороге, а вы белоярскую шпионку во фрейлины императрицы пристраиваете! Вы какому монарху служите? Я сам все сделаю. Без вашей помощи. Главное, не мешайте. Во имя памяти Тали не становитесь на моем пути!

– Мы не уверены, что это были шпионы Кромака. Нам не удалось добиться признания. Девочка здесь совершенно ни при чем. Она же была еще совсем ребенком. Она могла оказаться с ними случайно. Вы же помните, она все отрицала, – барон говорил торопливо, опасаясь быть прерванным.

– Мы не уверены, потому что единственный выживший солдат из их отряда умер от ран, так ничего и не сказав, а девка тронулась умом под пытками. Да и не была она ребенком. Вполне зрелая девица. Память играет с вами в скверные игры.

Тали слушала, не веря своим ушам. Она с трудом держалась на ослабевших ногах. Почувствовав прикосновение к плечу, вздрогнула и едва сдержала крик. Рядом стояла Дарна, кормилица. Приложив указательный палец к губам, она поманила девушку за собой.

Тали не поняла, как очутилась в своей комнате. Путь смазался в памяти. Она сидела на полу возле кровати, спрятав лицо в ладонях. Слез не было. Голова, тяжелая и мутная, с трудом переваривала мысли. Мысли тоже были тяжелыми и мутными. «Как же так? Как такое возможно? Что теперь со мной будет?» – беспрестанно ворочалось в уме. Кажется, она даже произнесла это вслух.

– Ничего не будет! – жестко отрезала Дарна. – Ничего такого, из-за чего стоит впадать в отчаянье! Соберись, девочка! Возьми себя в руки, у нас мало времени!

Дарна никогда не церемонилась с Тали, да и с бароном вела себя весьма свободно. Нет, не позволяла себе лишнего, никаких пошлостей. Просто открыто говорила, что думает, и барон всегда прислушивался к ее мнению. Она входила в число тех, кто был на особом счету и пользовался безоговорочным доверием хозяина дома. Собственно, таких людей в окружении барона имелось немного: ординарец Верт и Дарна, которую даже экономка побаивалась.

Кормилица развила кипучую деятельность. Уверенно и стремительно перемещаясь по комнате, собирала вещи. Движения ее были выверенными, лицо сосредоточенным, но спокой-

ным, и у Тали возникло ощущение, что к подобному развитию ситуации в доме готовились уже давно.

Перед баронессой тем временем поставили вместительную сумку, больше похожую на мешок, чем на привычные изящные саквояжи для путешествующих дам. Сумка была забита под завязку. Дарна протянула девушке сверток. Та механически приняла его, но не удержала, и он упал на пол. Сверток оказался одеждой, которую обычно носят посыльные: штаны, рубашка, дублет. Все простое и добротное. Только дублет без нашивки с гербом барона д'Варро.

Заметив неспособность подопечной к каким-либо действиям, кормилица села перед ней на корточки, взяла Тали за плечи и сильно встряхнула.

– Ну же, девочка, очнись!

Дарна всегда к ней так обращалась. Никогда не произносила имени. Просто девочка. А это подтверждает, что Тали не та, кем себя всегда считала. Она не Талиэн Валерия д'Варро. Не дочь барона Гарета д'Варро. Она свихнувшаяся под пытками девка, случайно, безусловно случайно оказавшаяся три года назад в каком-то отряде, незаконно проникшем на территорию империи, на границе которой находился замок барона, тот самый, куда, несмотря на все просьбы, отец ни разу не возил ее. Как еще, если не волей случая, в диверсионном отряде могла очутиться четырнадцатилетняя девочка? Какой из нее шпион-заговорщик?

– Слушай внимательно! – велела кормилица. – Сейчас ты переоденешься, пойдешь в конюшню, возьмешь лошадь и уедешь отсюда. Иначе быть беде! Все, что может понадобиться в дороге, я собрала. В сумке одежда, деньги, еда. Самое необходимое на первое время. Поедешь в сторону реки Эброльи, на переправу. Сядешь на паром.

– До переправы же два дня пути! Как я поеду туда одна? Разве молодые барышни путешествуют в одиночку? Это же неприлично! – прервала ее Тали.

– Ох, девочка! До приличий ли сейчас? Живой бы остаться. И запомни, ты не барышня, а мальчик-посыльный, едешь к северной границе. У тебя срочное послание его светлости герцогу д'Ирву. Его лагерь стоит на границе недалеко от замка барона. Знаешь, где это?

Дарна, видя замешательство девушки, вытянула из сумки карту северных рубежей Кардийской империи и граничащих с ними территорий соседней державы – недружественного Белоярского королевства, неиссякаемого источника политических козней и пакостей, богомерзкой земли, населенной жестокими дикарями, для которых лучший досуг – пьянка и хороший мордобой, лучшее лакомство – сердце врага. Да, и пленных они не берут. Разве что делают исключение для женщин, обрекая их на участь страшнее смерти. В свое время Тали с замиранием сердца слушала леденящие кровь истории, кои в изобилии рождала фантазия отцовского ординарца. Пока барон не прознал про это дело и не пресек такие разговоры самым решительным образом. Отметины отцовской длани держались на обескураженной физиономии Верта несколько дней.

Карта была потрепанной, засаленной и на сгибах прорывалась. Наверное, ею пользовался барон в те времена, когда еще жил в замке, пожалованном его отцу вместе с титулом за беспримерный героизм, проявленный во время последней войны с Белояром. Барон, получив в наследство замок и титул, как и отец, отвечал за безопасность северной границы. В замке располагался гарнизон, которым и командовал барон д'Варро, не покидая места службы дольше чем на пару недель. Но так было в доопальные времена. Когда, кстати, случилась эта опала? Ну да, три года назад, когда на той самой границе обнаружились вражеские отряды. Один, немногочисленный, удалось ликвидировать на месте, два других прорвались вглубь земель, находившихся под протекторатом соседствующих баронов, из-за чего и случился нешуточный скандал, и дело замять не удалось. Барон д'Варро не справился с поставленной задачей, не сберег неприкосновенности вверенных земель.

Инцидент вылился в дипломатическую истерию между империей и варварским Белояром. Кромек, король Белояра, обвинял империю в провокации, направленной на дискредита-

цию королевства и развязывание войны, и клялся, что его люди не нарушали границ. Дипломатическими же усилиями конфликт удалось свести на нет, а новую войну на время отложить. Виновные были найдены и понесли заслуженное наказание. Это единственное, что Тали знала.

Верт на все ее вопросы о случившемся выдавал потоки забористой брани, отчего девушка краснела, бледнела, а потом и вовсе перестала интересоваться этой темой. К тому же она искренне считала, что жизнь вдали от границы, пусть и не в таком большом и загадочном доме, как замок д'Варро, гораздо комфортней и интересней. До столицы всего пять дней пути в карете, поэтому сплетни о придворной жизни, хоть и не самые свежие, а заодно и последние веяния моды долетали до них гораздо раньше, чем до той самой границы, о местоположении которой юная баронесса имела весьма смутное представление. Да и не дело молодой барышне интересоваться всякими там приграничными разборками, барышни должны поэмки читать да акварельки рисовать. Так по крайней мере уходил от ответов Верт, памятуя о тяжести хозяйской руки.

Размышления были прерваны кормилицей.

– Смотри внимательно, вот мы, а вот Эбролья, – Дарна водила пальцем по карте. – Переправа в этом месте. Видишь? Тут еще деревня большая есть, названия не помню, то ли Пеньки, то ли Дубки. Переберешься на другой берег, поедешь по тракту в сторону баронского замка. Вот он на карте. Но туда тебе не надо. В полудне пути от переправы будет село Перебёги, оно недалеко от замка барона, там живет моя сестра Лирка. Третий дом от леса. Запомнила?

Тали кивнула, пытаясь уложить в памяти названия и имена.

– Вот конверт, передашь его Лирке. В нем письмо от меня. Схоронишься у нее на какое-то время. Соседям скажете, что ты дочка моей подруги, сирота. А там, глядишь, все успокоится, тогда барон за тобой и приедет.

– А послание герцогу? – поинтересовалась Тали.

– Его светлости герцогу д'Ирву. Не забывай, ты мальчишка-посыльный и разговаривать должна как простолюдин, а не как благородная дама.

Тали подумала, что не научена разговаривать как благородная дама, поскольку в доме, как назло, не проживало ни одной, а с Минькой и другими дочками соседствующих помещиков она общалась, не прибегая к тонкостям придворного этикета. Она, конечно, прочитала несколько книг на тему «как вести себя благовоспитанной девице, желающей сделать удачную партию», да и события любимых романов разворачивались на балах или в салонах именитых светских львиц, где волей автора сталкивались влюбленные герои. Но этого было явно недостаточно.

Так называемых дам, путешествовавших в компании жениха и его приятелей, девушка откровенно недолюбливала. Причиной тому были ее догадки об истинном, далеко не благородном, происхождении и роде деятельности этих самых дам. Копировать их манеру поведения она поостереглась.

– Вот письмо для его светлости. Но тебе к нему ехать не надо. Письмо на тот случай, если стражники привяжутся. – Кормилица протянула второй конверт, запечатанный сургучной печатью с гербом барона.

Дарна помогла девушке переодеться. Придирчиво оглядела с ног до головы. Игнорируя изумление Тали, выудила из шкафа полотняную шапочку, а следом простые добротные сапоги. Девушка чем угодно готова была поклясться, что еще вчера в этом шкафу находились лишь платья.

И когда Дарна все успела? Значит, барон знал о недобрых планах Виллема. Знал и имел на этот счет другое мнение.

Обувшись и натянув шапку, Тали предстала на строгий суд кормилицы. Девушка не могла похвалиться пышностью форм, поэтому мужской костюм смотрелся на ней вполне естественно, превращая ее в миловидного отрока. Только одна деталь нарушала достоверность

образа: из-под шапки, сшитой из грубой ткани и формой напоминавшей перевернутую ночную вазу, свободно струились длинные волнистые пряди. С костюмом посыльного они совершенно не гармонировали, поэтому Дарна усадила девушку перед туалетным столиком, сняла с нее уродливый головной убор и принялась вынимать из волос заколки и шпильки. Черные локоны мягкими волнами укрыли плечи.

Баронесса по праву гордилась своими волосами. Густые и шелковистые, сияющие на солнце и при свете свечей, они опускались ниже талии. Тали заплетала их в косу или оставляла распущенными, перехватывая у висков и на затылке заколками, но когда требовал случай, непокорную гриву укладывали в высокую прическу, отчего черты лица юной баронессы делались изящными и аристократичными, даром что дворянство было пожалованным.

Дарна, с сожалением покачав головой, взялась за ножницы. Тали не успела понять, что происходит, как первые пряди черными змейками полетели на пол. Слезы потоками хлынули из глаз. Что же это такое? Чем она прогневила богов? Почему за одно утро у нее отняли прежнюю жизнь, имя, отца, жениха (как бы ни был он противен, сам факт помолвки стал предметом черной зависти подруг, что приятно щекотало тщеславие), чудесные платья и даже волосы? Но в полной мере предаться горю не позволила Дарна. Она нацепила шапку на взлохмаченные короткие кудряшки девушки и потянула ее к выходу, подхватив сумку. Замерла у двери, вслушиваясь, и вышла в коридор осмотреться. Не обнаружив признаков опасности для подопечной, вытолкнула ее из комнаты и потащила за собой по лестнице для прислуги. Привела к конюшне, где сдала в руки Верту. Крепко обняла на прощание и ушла не оглядываясь.

Всегда жизнерадостный, сейчас ординарец был хмур и неразговорчив. Без привычного балагурства вывел молодую кобылку, на которой ездил один из отцовских посыльных. Видно, Ласточка останется здесь, что вполне объяснимо. Слишком хороша лошадка для простого гонца. А лишнее внимание к персоне Тали сейчас ни к чему. Да, может, оно и к лучшему, что любимая лошадь, чья масть так удачно сочетается с цветом волос, будет дома, в безопасности.

Верт повязал на талии девушки пояс с ножнами и коротким легким мечом. Этот меч Тали преподнес отец сразу после странной болезни, отнявшей память, объяснив столь неординарный подарок тем, что пошатнувшееся здоровье нужно укреплять физическими упражнениями. От фехтования гораздо больше пользы, чем от бесцельного блуждания по парку, сказал он, видя недоумение на лице дочери. Тали не спорила. Фехтование определенно было интереснее математики, геральдики и этикета. Владеть мечом учил Верт. Он же обучал верховой езде в мужском седле. Как будто они знали, что все это может пригодиться.

Вслед за мечом появились два тонких длинных ножа. Мужчина вставил их девушке в сапоги. В голенищах были предусмотрены специальные крепления.

Ординарец довел Тали до ворот поместья. Стиснул ее плечи, кивнул на прощание и, не проронив ни слова, ссутулившись, пошел в сторону дома. Как и кормилица, не оглядываясь, проводя черту между Тали и ее прошлым, в котором все было просто, понятно и беззаботно. И которое уже не вернуть.

Баронесса нехотя взобралась в чужое, изрядно потрепанное седло, приторочила к нему сумку, бросила тоскливый взгляд на отчий дом и помчалась по дороге, прочь от прошлой жизни. Она пустила лошадь в галоп и вихрем пронеслась вдоль парка, затем миновала деревеньку, что находилась неподалеку от поместья, и выехала на тракт, который через два дня должен был привести ее то ли к Пенькам, то ли к Дубкам и переправе через Эбролюю.

Глава 2

Юной баронессе и раньше доводилось путешествовать этой дорогой, но всегда в сопровождении слуг и всегда в карете. Комфорт был привычной составляющей ее образа жизни, не считая тренировок с Вертом, но к ним она относилась как к забавной игре. Верховая езда считалась развлечением, девушка умела и любила ездить верхом, но никогда раньше не совершала длительных прогулок. С галопа она довольно скоро перешла на рысь, а потом и вовсе позволила лошади идти шагом. Никто же не сказал, что Тали должна мчаться, как воинствующая саритянка, так недолго отбить то место, которым барышни обычно сидят в каретах. На третьем часу пути баронесса искренне жалела всех, чья работа требовала долгих разъездов.

Дорога убегала вдаль, растворяясь в солнечном мареве. В голову лезли тревожные мысли. Перед отъездом Тали не удалось поговорить с отцом, и она подозревала, что таково было его решение. У барона не хватило смелости сказать ей в лицо, что она не его дочь. Проще поручить слугам вышвырнуть ее из дома. Она, пожалуй, впервые за всю свою короткую жизнь настоящему злилась на отца.

Случалось, барон был суров. Временами проявлял жесткость. Но жесткость оправдывалась образом жизни, все-таки он военный офицер, хоть и в отставке, а суровость обуславливалась ответственностью за ее благополучие: тяжело быть отцом девицы на выданье, да еще такой неугомонной. Ни суровость, ни жесткость не переходили в жестокость. Никогда, вплоть до сегодняшнего дня, Тали не сомневалась в его любви. Она не могла представить, чтобы отец поступил ее благополучием ради собственной выгоды. Но сегодняшний день изменил все. Отец лишил ее опеки, крыши над головой и куска хлеба ради того, чтобы скрыть свое участие в каких-то политических махинациях. И даже не посчитал нужным объяснить.

С другой стороны, он мог так поступить, чтобы защитить ее от кровожадного графа. Тот явился незванным-нежданным, без предупреждения, чего раньше за ним не водилось. Принялся угрожать буквально с порога и готов был собственноручно привести угрозы в исполнение. Более чем вероятно, не выстави отец ее из дома, до утра она бы не дожила. Сломала шею, упав с лестницы, утонула в ванне, больше похожей на большой таз, повесилась на ленте для волос. Отец хотел дать ей фору, боялся, что промедление будет стоить Тали жизни. Если так, если Дарна не соврала, самое страшное позади. Ей только нужно укрыться в приграничной деревне, переждать, когда с Виллема спадет помрачение и он забудет о своих черных планах. Тогда отец придет за ней и отвезет домой.

Но как пережить это время? Ей, не привыкшей думать о завтрашнем дне, о хлебе насущном. Что она будет делать, оказавшись среди крестьян? Копаться в огороде? Начищать полы в крестьянской избе? Таскать воду коромыслами? Сама себе шить одежду? Чем там еще занимаются крестьянки? Может, ей придется отвешивать поясные поклоны «барам» и «барыням» и терпеть их пренебрежение? Боги, какая мерзость!

Кормилица обещала, что отец придет за ней, как только неурядица с Виллемом разрешится. Но сам-то он ничего не обещал! Захочет ли? Вспомнит ли о ней? Нужна ли она ему, учитывая, что их не связывают узы родства? Злость сменилась страхом. Страхом за свою жизнь. Девушке хотелось вернуться, но она понимала, что это невозможно. Жених не оставит ее в покое.

За что Виллем ненавидит ее? Допустим, она не дочь барона, не Талиэн Д'Варро, но это же не повод желать ей смерти. Она не сделала ему ничего плохого, не считая мелких пакостей в виде куриного помета в туфлях и крапивы в кровати. Но он сам ее спровоцировал! Да и досталось в итоге лакею, которому Тали в качестве компенсации за понесенные страдания полгода презентовала всякие мелочи вроде пудры для парика, ваксы для башмаков или одеколона. Нет,

причина, безусловно, в другом. В чем же? Неужели она и вправду когда-то была белоярской шпионкой? Или же...

Невероятные теории, одна нелепее другой, рождались в ее голове. По самой привлекательной из них Тали была незаконнорожденной дочерью белоярского короля Кромака или кого-нибудь из его приближенных. Поэтому-то ее, рискуя жизнью верноподданных, решили спасти, переправив через границу. Затем, как это обычно случается, что-то пошло не так и хорошо продуманный план с треском провалился. Она оказалась в плену, ее даже пытали (тут девушка вздрогнула и поежилась), но благородный барон, заметив фамильные черты королевского, княжеского или еще какого-нибудь важного рода, решил спасти девочку от смерти и защитить от врагов, выдав за свою дочь. Виллем же, будучи отпетым патриотом, воспротивился этому.

Что ж. А как все было на самом деле?

Тали пыталась вспомнить свое прошлое, но, как и много раз до этого, словно уперлась в глухую стену. Она отлично помнила первый день своей жизни. Вот только случился он года три назад, и было ей на тот момент не меньше четырнадцати лет.

Незнакомая комната встала перед глазами. Тали, одолеваемая слабостью, лежала на кровати. Стоило ей открыть глаза, как странный молодой мужчина бросился к ней. Она не узнала его и испугалась неожиданных объятий. Вокруг поднялась суматоха. Тот, молодой, привел другого мужчину, постарше. Они, перебивая друг друга, принялись сыпать вопросами. И Тали осознала, что не понимает их речи, не знает языка, на котором к ней обращаются. Попыталась объяснить, но тут ее ждал провал. Голова разрывалась, она была полна языков и диалектов, вот только это больше мешало, чем помогало общению. К тому же Тали испытывала смертельный страх. В итоге беседа не состоялась. К девушке приставили надзирательницу – ее кормилицу. Точнее, не ее, а той, умершей Тали, о которой так деятельно скорбел Виллем.

Пару дней она провела в полубредовом состоянии, пока в сознании теснились неизвестные слова и малопонятные образы, вызывая страшнейшую мигрень. Потом вернулось – появилось? – понимание языка. И начались расспросы. Помнит ли она, кто такая? Как здесь оказалась? Как ее зовут? Сколько ей лет? Тогда она поняла, что ничего не знает о себе. У нее не было воспоминаний, не было прошлого. Ничего. Пустота. Словно она родилась несколько дней назад.

Ей разрешили вставать с постели, но не позволили выходить из комнаты. Да она и не стремилась, чувствуя, что силы не торопятся возвращаться. Барон проводил с девушкой все свободное время, рассказывая забавные истории из ее детства. Взамен утраченной памяти ей дали новую. Она – Талиэн Валерия д'Варро, дочь барона. Тяжелая болезнь едва не унесла ее жизнь, но отступила, забрав память. Случай, безусловно, редкий. Самое главное, что она осталась жива, а память, дадут боги, рано или поздно вернется.

Когда Тали окрепла, ее перевезли в другой дом, который находился в одной из центральных провинций и, как она позже выяснила, в свое время перешел в наследство матери, теперь уже покойной. На границе, в замке д'Варро, девушка больше не бывала. С ней отец отправил кормилицу Дарну и ординарца Верта. Им он доверял как себе. Позже, уладив дела, барон поселился в поместье покойной жены, и жизнь Тали стала такой же, как у большинства сверстниц.

Первый год за ней неотступно, сменяя друг друга, следовали Дарна и Верт. Постоянно интересовались, не возвращается ли память, не посещают ли странные сновидения. Память упорно не желала возвращаться, сны посещали самые приятные, иной раз не вполне пристойные, и ее, наконец, оставили в покое, рассудив: если девушка что и вспомнит, сама об этом расскажет.

В дом приходили учителя, с которыми Тали осваивала книжные премудрости, по большей части разрозненные, никак не систематизированные, не вызывавшие особого интереса у ученицы и не слишком способствовавшие развитию девичьего ума. Но от девицы ее положения

общество не требовало познаний в точных науках. Того скудного осадка, что остался после трех лет домашнего обучения, вполне должно было хватить, чтобы сделать хорошую партию и не ударить в грязь лицом в приличном обществе. К ее чести, она любила чтение, но книги выбирала преимущественно легкие для восприятия и задевающие тонкие струны ее чувствительной души, а именно сентиментальные романы.

Как и любая хорошо воспитанная юная леди, она изучала живопись и искусство игры на лютне. Правда, вскоре выяснилось, что художника из нее не выйдет, а от потуг освоить музыкальный инструмент страдала не только лютня, но и все обитатели поместья. Махнув рукой на живопись, баронесса тем не менее продолжала увлеченно терзать лютню. Причина ее творческого подвига появлялась в доме дважды в неделю, имела высокий рост, тонкие черты, белокурые волосы и незначительную примесь эльфийской крови.

Учитель музыки, вызывавший повышенное внимание у своих учениц, но ни разу не уличенный в связях с ними, снискал репутацию добропорядочного мужчины. В дом он попал по рекомендации одной милой дамы, водившей знакомство с бароном. Этот красавец стал первой тайной и трагической любовью Тали. Ради его похвалы она по несколько часов в день старательно выполняла все заданные упражнения и, со слов лютниста, начала делать значительные успехи.

Закрепить их, однако, не позволил барон, который в неурочный час решил лично проверить, как обстоят дела в музыкальной части дома, и застал в гостиной пасторальную картину, повергшую его в нешуточную ярость.

За окнами буйствовал май, в комнате витал аромат цветов, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву растущих возле окон кустов и деревьев, наполняли помещение мягким, приглушенным светом. Юная баронесса и молодой учитель о чем-то нежно беседовали, склонив друг к другу головы так близко, что легкий порыв ветра на миг смешал черные и золотистые пряди. Мужчина сжимал в своей руке тонкие пальчики старательной ученицы и, видимо, намеревался осыпать их поцелуями. Громкое покашливание заставило красивую пару вздрогнуть, влюбленные отпрянули друг от друга, но было уже поздно.

Отец молча сделал знак лютнисту следовать за ним. Учитель так же молча подчинился, бросив на Тали прощальный взгляд, полный сожаления и скорби. Уроки музыки после этого прекратились. Появившаяся на смену молодому красавцу престарелая лютнистка не смогла вызвать в девушке прежнего интереса к предмету. Лишь иногда, когда легкая грусть закрадывалась в душу, жертва несчастной любви и родительского произвола закрывалась у себя в комнате, брала в руки инструмент и наигрывала милые сердцу мелодии. Первая любовь вскоре затерлась новыми увлечениями и впечатлениями, потускнела и забылась.

Предаваясь воспоминаниям, девушка подъехала к небольшому городку, где решила найти ужин и ночлег. Стражник у городских ворот не обратил особого внимания на робкого щуплого паренька и, скупно ответив на его вопросы о постоянных дворах и корчмах, вернулся к прежнему занятию – жадному разглядыванию приехавших в город молодых женщин.

Тали какое-то время поплутала в поисках названного заведения, потолкалась на узких грязных улочках, ведя кобылку под уздцы, была обругана нищей старухой, получила пару раз локтем в ребра в давке на базарной площади и, наконец, добралась до длинного деревянного двухэтажного строения, над дверью которого крепилась вывеска с поистершимся изображением летящего голубя и надписью «Почтари». На этом постоялом дворе чаще всего останавливались посыльные. Здесь можно было недорого поесть, снять комнату и дать отдых лошади. Мальчишка-привратник затребовал два медяка, забрал поводья и увел кобылу в конюшню.

Тали с силой толкнула дверь и попала в шумное, заполненное чадом и набитое людьми помещение корчмы. Договорившись о комнате, заплатив за кров и стол, она направилась на поиски последнего, надеясь найти свободное место. Таковое вскоре обнаружилось на лавке за длинным дощатым столом. Напротив сидел крепкий парень, потертый дублет которого имел

знак с гербом неизвестного Тали аристократического дома. Незнакомец с интересом поглядел на нового соседа в надежде найти в его лице собеседника и собутыльника, чтобы весело скоротать вечер. Он держал в руке ополовиненную кружку с пивом, другая, уже пустая, стояла рядом. Молоденькая прислужница подала Тали тарелку жаркого и стакан красного вина, хохотнув на подмигивание парня. Девушка отпила вино и поморщилась. Сосед воспринял ее гримасу как хорошую возможность завязать разговор.

– Еда здесь так себе, вино и подавно. А вот пиво отменное, неразбавленное. И девчонки красивые.

Последнее было адресовано служанке, убиравшей со стола. Она улыбнулась парню и ответила бойкой шуткой, на что тот добродушно осклабился. Видно было, что он здесь частый гость. Подавальщица с интересом оглядела Тали и многозначительно подмигнула ей. Беглая баронесса зарделась, скосив глаза на тарелку. Заметив смущение красивого паренька, прислужница насмешливо фыркнула и занялась другими посетителями, бросая на Тали игривые взгляды.

– А ты ей понравился. Ее Вейкой кличут. Горячая девчонка. Я Милек, а для здешних девчонок – милочек, – парень засмеялся собственной не слишком изящной шутке, протягивая руку.

– Верт, – отвечая на крепкое рукопожатие, буркнула Тали первое имя, какое пришло в голову.

– Куда направляешься, Верт?

– На границу, с поручением к его светлости герцогу.

Тали не продумала как следует фальшивую биографию и сейчас корила себя за то, что время в дороге потратила на фантазии и светлые воспоминания, вместо того чтобы сочинить правдоподобную историю своей новой жизни.

– И ты к старикашке Ирву! Ну, там, брат, сейчас неспокойно. Говорят, белоярцы планируют заварушку. Так что ты поторопись: и туда, и оттуда.

В этот момент вернулась прислужница и принялась протирать стол, беспокоясь не столько о его чистоте, сколько о производимом на красивого юношу впечатлении. Она изгибалась столь усердно, что ее внушительные прелести едва не выпали в стоящую перед Тали тарелку. Прелести эти в иной ситуации вызвали бы у девушки приступ черной зависти и черной же меланхолии, но сейчас, поняв, чего добивается служанка, она пристально разглядывала столешницу, чувствуя, как наливаются жаром щеки. Схватила стакан с вином, сделала большой глоток и поперхнулась. Милек заржал как конь, а Вейка стала нежно похлопывать ее по спине. Не зная, как прекратить этот фарс, Тали подняла на Вейку слезящиеся глаза, кивнула и поблагодарила. Служанка расценила ее поведение по-своему. Уселась рядом, гораздо ближе, чем того требовала царившая за столом давка.

– Милек, познакомишь меня со своим другом? – Прислужница кинула томный взгляд из-под густых ресниц на парня, затем перевела его на Тали.

– Запросто, – ухмыльнулся парень, – знакомься, Верт. А это Вейка. Золотая девка, не пожалеешь.

В этот момент Вейку окликнул хозяин, и она с неохотой поднялась, пообещав, впрочем, скоро вернуться. Тали с облегчением выдохнула. Милек же тем временем принялся сыпать советами, как получить от Вейки желаемое, приправляя рекомендации сальными остротами. Девушка подумала, что получить от Вейки не нужное ей «желаемое» можно и без всяких там советов, гораздо ценнее были сведения, как отделаться от прилипчивой служанки.

Тали слушала болтовню захмелевшего Милека, задавая вопросы и переводя темы, едва тот начинал интересоваться ее жизнью и службой. Вейка несколько раз подходила к Тали, подливая вина в стакан, всякий раз словно невзначай касаясь ее плеча пышным бюстом. Подобные действия горячо поощрялись Милеком и сопровождались пошлейшими комментариями.

Во время одного из Вейкиных подходов Тали поднялась, пожелала новому приятелю спокойной ночи, поблагодарила подавальщицу, оставив на столе монетку, и отправилась наверх в отведенную ей комнату. Милек и Вейка удивленно переглянулись, после чего прислужница, сцапав монету, пожала плечами и задержалась у стола поболтать с парнем.

Тали закрыла дверь на засов. Устало опустилась на кровать. События дня, перевернувшие с ног на голову всю прежнюю жизнь, и вино, которого она выпила больше, чем следовало, благодаря Вейкиным стараниям, тяжелым грузом давили на нее. Она с трудом стянула сапоги и уснула, не снимая одежды.

Пробуждение было стремительным и малоприятным. Девушка почувствовала, что лежит в крайне неудобной позе, отчего затекло и онемело тело. Попыталась подняться, но поняла, что руки привязаны к спинке кровати. Она с силой рванулась вперед в безуспешной попытке освободиться.

Густая темнота комнаты отреагировала желчным смешком, затем чиркнула спичка и зажглась свеча. В беспокойных отблесках огня Тали различила знакомое лицо, но радости от узнавания не испытала.

На стуле рядом с кроватью сидел ее жених, граф Виллем д'Оррет собственной персоной, и с холодным интересом наблюдал за метаниями своей жертвы. В скудном освещении молодой мужчина казался красивее, чем обычно. Вот только красота эта не будила в Тали светлых чувств. Рот жениха кривился в привычной высокомерной усмешке. К высокомерию примешивалось злорадование.

– Заставила же ты меня побегать, дорогая невестушка. При других обстоятельствах это придало бы особую остроту нашей встрече. Тем не менее должен поблагодарить тебя за то, что облегчила мне задачу. Избавиться от тебя сейчас труда не составит, и барон не будет путаться под ногами.

– Но зачем? – с недоумением воскликнула Тали. Чем она так насолила жениху, что он готов убить ее без суда и следствия? – Что я вам сделала? Почему вы не расторгнете помолвку и не оставите меня в покое?

– Чтобы ты вернулась к папеньке и продолжила дурить ему голову? А затем подобралась поближе к императору и его семье и реализовала план Кромака? Думаешь, я полный идиот? Сейчас я оказываю очень большую услугу барону. Он поймет это позже. Поймет и будет благодарен за то, что я сделал за него всю грязную работу.

– Я не знаю ни о каких планах Кромака и к императору не собираюсь! – дыхание перехватило. Тали скатывалась в панику, наблюдая, как мужчина снимает ремень и натягивает его, оборачивая концы вокруг ладоней. – Ну почему? За что? Объясните, прошу вас!

– Хочешь поболтать? Что ж, будем считать это последним желанием приговоренного. Тогда слушай и не дергайся.

Виллем понимал, что девушка надеется выиграть время, но не стал препятствовать этому. Он сам, как ни пытался быть убедительным, оказался не готов собственноручно привести в исполнение вынесенный им же приговор. Мужчина рассчитывал на то, что попавшая в капкан белоярская шпионка начнет выкручиваться привычными способами: попробует соблазнить, откупиться или завербовать. Одним словом, признает свою вину. Ему во что бы то ни стало требовалось получить ее признание. При таком раскладе он будет не банальным душегубом, а защитником империи. Виллем не ожидал, что девчонка начнет отпираться, взывать к справедливости и задавать вопросы, ответы на которые ей хорошо известны. Ясно как день, она лишь прикрывается маской святой невинности. На самом же деле перед ним настоящая змея, хитроумная и ядовитая, как гюрза.

И он получит ее признание. А пока, так и быть, расскажет свою историю.

– Как ты сама знаешь, это случилось три года назад. Я гостил у Гарета. Барон расставил дозоры у белоярских земель. На границе было неспокойно. Мои люди патрулировали террито-

рию вместе с его солдатами. Но в те дни мы с бароном оставили лагерь и находились в замке. Моя невеста – его дочь Талиэн – была тяжело больна. Болезнь оказалась неизлечимой. Тали долго, но безуспешно боролась за жизнь. Лекари не в силах были помочь, оставалось лишь проститься с ней. Но во мне теплилась надежда, что я могу сохранить ей жизнь. Пусть не в ее теле, в чужом, но это все равно была бы она, моя Тали. Для воплощения моей задумки требовалась другая девочка, ее ровесница, и некромант. Некромант у нас был. Отец, светлая ему память, поддался на мои уговоры и нанял сильного мага, не побоявшегося нарушить закон за достойное вознаграждение. Запретные ритуалы караются довольно жестоко. Маг и сказал, что нужно найти того, кто отдаст Тали свое тело.

Видя ужас и отвращение на лице девушки, мужчина тоскливо усмехнулся.

– Вряд ли ты поймешь. Но мне все равно. Я любил эту девочку. Наших отцов связывала давняя дружба, и я часто проводил время в замке барона, да и Тали подолгу гостила у нас. Я играл с ней, наблюдал, как она взрослеет. Мне всегда хотелось, чтобы у меня была сестра. Поначалу я так и относился к Тали, как к младшей сестре. Но чем больше времени проводил с ней, тем яснее понимал: отнюдь не братские чувства вызревают в моем сердце. С Тали происходили те же метаморфозы. Когда ей исполнилось тринадцать, она призналась мне в любви и сказала, что хочет скорее повзрослеть, чтобы стать мне женой. Тогда я впервые поцеловал ее и пообещал всегда быть рядом, любить и оберегать до конца своих дней и тогда же попросил у барона руки Тали. Мы обручились. А потом я узнал о болезни. Легочная чума. Болезнь обнаружилась слишком поздно, чтобы чем-то ей помочь. Лекари дали год. Она угасала, таяла на глазах.

Виллем на минуту умолк, и лицо его подернулось печалью. Впервые за все время их знакомства Тали увидела на этом красивом лице что-то помимо привычной надменно презрительной маски.

– Но я нашел способ спасти любимую. Оставалось получить согласие ее отца. Барон наотрез отказался от моей затеи. Решил, что я тронулся умом, – Виллем с горечью хмыкнул, – но в итоге мне удалось убедить его. Кроме дочери у барона никого не осталось. Жену несколько лет назад забрала та же болезнь. Я нашел похожую на Тали девчонку. Пообещал неплохое вознаграждение за услуги. Привез ее и некроманта в замок барона. Вот только девчонка почуяла неладное и сбежала. Требовалось срочно найти замену. До ритуала оставалось всего два дня. Жизнь покинула Тали, но некромант привязал ее душу к телу, однако задержать уход надолго не мог. Как назло, ни одной девушки возраста Тали в замке и окрестностях не было. Мы с бароном разослали людей в деревни и села, что находились на его землях, дав указание привезти любую девушку, которой недавно исполнилось четырнадцать. Мне стало уже неважно, будет ли она похожа на Тали. Накануне ритуала в замке появились люди барона с сообщением, что несколько вооруженных отрядов перешли границу недалеко от охраняемой территории. Одну группу лазутчиков удалось ликвидировать. В живых оставались солдат и девчонка, которая была с ними. Солдат умер от ран, едва его довели до замка, а девчонка оказалась целой и практически невредимой, только вся в синяках и ссадинах. Парни объяснили, что она серьезно сопротивлялась: кого ранила, а кого и вовсе убила. Вот они на ней и отыгрались за своих. Барон приказал допросить ее. У него тогда были люди, умевшие разговорить даже немоего. Но девчонка оказалась упертой. Все твердила «не знаю» на любые вопросы.

– Но я и вправду могла ничего не знать! – закричала девушка, поняв, о какой именно девчонке говорит Виллем. – Вы не думали о том, что я оказалась там случайно?

– Думал. Поначалу я именно так и думал. А потом мне довелось поприсутствовать на одном из допросов. Хотел бы я, чтобы у моих людей была такая же стойкость и сила духа. Тогда-то я и понял: ты не простая белоярка, по глупости или случайности оказавшаяся среди лазутчиков. В тебе были ярость, ненависть и цель, у тебя имелась какая-то цель, ради которой ты терпела невыносимые муки. И оружие, которое отобрали у твоих товарищей, оно тоже

выглядело странным. В империи такое не делают. Из неизвестного металла, способного разрубить камень. И люди, которых ты положила там, на границе... Солдаты потом подтвердили, дралась ты на редкость умело. Тебя явно обучали этому с детства.

Граф прикрыл глаза, погрузившись в воспоминания. Затем продолжил:

– Но я отвлекся. За те два дня, что у нас оставались, ни мои люди, ни люди барона не нашли подходящую девушку. Сдается мне, не особо искали. Однако у нас была ты. По внешним параметрам подходила идеально: сильная, крепкая, да и возраст на первый взгляд совпал. Тянуть время больше было нельзя. Некромант осмотрел тебя и подтвердил, что можно проводить ритуал. Я был там вместе с бароном. Вначале все шло как положено. Очерченный вокруг алтаря круг, два тела на алтаре. Тали казалась живой, просто спящей. Я смотрел на нее, стараясь запомнить любимые черты, чтобы потом попытаться найти их в тебе. Но обряд сорвался. Видимо, некрмант напутал в своих заклинаниях. Пространство внутри круга полыхнуло огнем. Маг попытался вырваться из него, но не смог. И хорошо. Иначе смерть в огне показалась бы ему легкой. Потом, спустя несколько минут, огонь погас, словно его и не было. Некроманта тоже не было. Лишь горстка пепла у расколовшегося алтаря. И Тали не было. Осталась только ты. Твоя одежда сгорела, а на тебе ни следа. Ни от огня, ни от пыток. Мы надеялись, что все прошло удачно: ты поменялась с Тали и скоро она откроет глаза и улыбнется мне. Но глаза открыла ты. Я искал ее в тебе и не находил. Ритуал не удался, я понял это сразу, а вот барон вбил себе в голову, что Тали проявит себя, нужно лишь время. Я дал ему три года. Через три года, если Тали не проявится, он должен был убить тебя. Он поклялся в этом. А я поклялся, что сам убью тебя, если у него не поднимется рука. И вот срок подошел.

– Но зачем вам меня убивать? Пусть я не Тали, но кому помешаю, если останусь жива? Или вы так сильно ненавидите меня за то, что я это я, а не она, что готовы убить беззащитную женщину?

– Ты невнимательно слушала. Когда тебя схватили, мы обязаны были сообщить командованию, передать тебя императорским следователям, которые рано или поздно выбили бы из тебя правду о том, с какой целью ты оказалась на территории империи. Ты представляла собой угрозу безопасности империи тогда, представляешь ее и сейчас. Даже теперь, живя в доме барона, ты продолжаешь преследовать свои цели. Как еще старику могла прийти в голову мысль представить тебя при дворе и пристроить фрейлиной к Хлодвиге?

Тали мотала головой, кусая губы и проклиная себя за детское желание попасть в императорский дворец, о чем отцу все уши прожужжала. Выходит, сама виновата. Не загорись она этой, казавшейся теперь безумной, идеей, жила бы себе тихо в отцовском поместье.

– В любом случае, оставь мы тебя в живых, всплывет вся правда о том дне. Так что прости, милая, но другого пути у нас нет.

Граф понимал, что проиграл, что она не признается, однако не собирался отказываться от своих планов. Лучше погубить невинного, чем выпустить в мир демона, который разрушит империю.

Виллем поднялся со стула и, сжимая в руках удавку, приблизился к девушке. Тали, холодея от мысли, что сейчас умрет (а кто хочет умирать в семнадцать лет?), начала яростно метаться по кровати, пытаясь освободить руки. Поняв, что кроме рук отбиваться можно еще и ногами, со всей силы пнула мужчину, и, видимо, удачно. Виллем согнулся пополам, хватая ртом воздух, когда же отошел от удара, поднялся с перекошенным от бешенства лицом. Злость туманила его разум, избавляя от ненужных сомнений.

– Так, значит, быстрая и безболезненная смерть не входит в твои планы? Очень хорошо. Развлечемся немного. Кроме того, ты должна мне брачную ночь.

Тали не сразу поняла, о каких развлечениях и каком долге идет речь. Но когда жених перехватил ее ногу, которой она намеревалась наградить его новым пинком, и придавил тяжестью своего тела, оказавшись на кровати, да что там на кровати, прямо на ней, она пронзи-

тельно закричала. Две сильные пощечины оборвали крик, оставив противный металлический привкус во рту и гулкий звон в опустевшей голове. Виллем стянул с нее штаны и принялся шарить под рубашкой. Когда он, расстегивая брюки, чуть ослабил хватку, Тали рванулась так яростно, что мужчина повалился на пол, и она изо всех сил, какие у нее оставались, издала истошный вопль, который должен был перебудить всех постояльцев гостиницы.

Дверь слетела с петель от первого же удара. На пороге, полуголый, с мечом наперевес, стоял недавний знакомец, Милек, взлохмаченный, но тем не менее вполне бодрый, несмотря на позднее время. Оценив открывшуюся его взору картину, он, недолго думая, подскочил к встающему с пола Виллему и со всей дури приложил того по голове рукоятью меча. Граф снова оказался на полу, но в этот раз уже не делал попыток подняться. Парень же подошел к кровати и освободил Тали от веревок. Отступив к двери, перевел взгляд с распростертого поперек комнаты мужчины на девушку, дрожащими руками натягивающую штаны и поправляющую рубашку. Поскреб затылок.

– М-да, случится же такое. Я, признаться, когда услышал голоса, решил, раз тебе Вейка не глянулась, ты другую девку привел. Я тут, в соседней комнате остановился, за стенкой. – Милек махнул головой в сторону стены, за которой, должно быть, находилась его комната. – Но кто ж мог подумать, что в таком приличном заведении найдутся любители молоденьких мальчиков? Развелось содомитов, житья от них совсем не стало! Скоро страшно будет с соседом по столу словом перекинуться. Скажешь «здрасьте», глядишь, он уже сзади пристраивается. А орешь ты хорошо, громко так, любая баба позавидует. Да не реви, все, он к тебе больше не полезет. Отбегался, похоже.

Однако, к изумлению Милека, Тали и не думала плакать. Ее скрутил приступ хохота, и теперь она, привалившись к кровати, смеялась до слез от одной только мысли, что заносчивого графа д'Оррета причислили к лицам с пикантными вкусами. Вполне заслуженная кара.

Тали поднялась, вытирая мокрые щеки, и заметила, что народа в комнате прибавилось. Вейка, взъерошенная, в рубашке, надетой наизнанку, решительно выталкивала за дверь любопытных постояльцев.

– Куда вы рожи суετε? Все, концерт окончен. Поссорился благородный господин со своей служанкой, обычное дело. Идите спать, нечего тут толпиться.

Дело действительно представлялось обычным. Не прельстившись местными красотками или не прельстив ни одну из них, благородный господин мог привести женщину с улицы. А там денег ли не додал, из-за чего скандал разгорелся, или просто до особых развлечений любителем оказался, да только не всякая девка на такие развлечения согласна даже за деньги. Кто их разберет, этих благородных господ с их причудами. Поняв, что ничего интересного не происходит, любопытствующие разошлись по своим комнатам досматривать сны.

Вейка тем временем суетилась вокруг Тали, помогая остановить кровь, лившуюся из разбитого носа. Милек же внимательно изучал лежавшее на полу тело, шарил в карманах. Нашел кошелек, подкинул его в руке, одобрительно хмыкнув.

– Жив, – прокомментировал Милек тревожный взгляд девушки. – Добить?

Тали помотала головой, отвела в сторону руки Вейки и склонилась над Виллемом. Возможно, когда-нибудь она пожалеет о своем решении. Возможно, другая она – та, что дралась не хуже мужчин и не сломалась под пытками – прикончила бы графа, пользуясь его беспомощностью. Но нынешняя Тали так поступить не могла. Она не знала той девушки, о которой рассказывал Виллем, но чувствовала всем сердцем, что не способна убить человека, каким бы ужасным он ни был, тем более если этот человек безоружен и лежит себе спокойно лицом в пол.

– Из благородных, – дала свою оценку неподвижному телу Вейка.

– Да, – снова поскреб затылок парень и, глядя на Тали, доверительно сообщил: – Мотать отсюда надо. А ты придумай, что сказать хозяину. И содомиту, когда он очухается, – с этими

словами парень высыпал Вейке в ладони половину монет из кошелька Виллема. – Собирайся, валим, – предназначалось уже Тали.

Служанка, перешагнув через графа, повисла на шее Милека, жадно целуя его. Парень неохотно прервал поцелуй и, шлепнув девицу по крепкому задку, пошел за вещами. Вейка подскочила к Тали, чмокнула в щеку на прощанье.

Глава 3

Рассвет они встретили в пути. Милек, не спавший ночь, дремал в седле. Тали вначале подивилась такой способности, но потом поняла, что это привычный для него отдых.

Когда солнце поднялось достаточно высоко и по тракту, поднимая пыль, принялись сновать повозки и экипажи, Милек заметил, что его спутник постоянно оглядывается и тревожно вжимает голову в плечи, стоит только показаться одинокому всаднику. Рассудив, что, хоть ночной гость его нового друга не скоро сумеет сесть в седло, ему ничто не мешает отрядить за ними погоню, Милек решил прибавить ходу и при первой же возможности сменить дорогу.

Парень держал путь в ставку герцога д'Ирва и направлялся туда не первый раз, поэтому дорогу до границы знал хорошо. Ехать к самой границе, а уж тем более к герцогу в планы девушки не входило, и она уже пожалела, что назвала Милеку именно эту причину своего путешествия. Но поняв, что с попутчиком удобнее и безопаснее, а после переправы можно исчезнуть не попрощавшись или придумать благовидный предлог для изменения маршрута, Тали выразила признательность и за спасение, и за сопровождение.

Едва на тракте появилась развилка, Милек, не раздумывая, свернул на нее, и девушке ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Дорога вела к одной из деревень, до которой, по словам парня, было полдня пути и через которую тоже можно добраться до переправы, хоть ехать и дольше, чем по тракту.

Путешествие надоело баронессе еще в самом его начале. Короткие привалы – ноги размять – не приносили отдыха. Еда всухомятку – голод забить – не доставляла удовольствия. Погода не радовала. Небо безоблачное – плохо. Солнце палит. Голова под уродливой шапкой прет. Тали хотела последовать примеру Милека, который был простоволос и вполне доволен жизнью, но боялась сомлеть на солнце. Еще упадет в обморок, начнет приятель приводить ее в чувство, тут и откроется, что никакой она не паренек. Поэтому шапочка осталась на прежнем месте, досаждающая владелице.

Красота природы не трогала измученного сердца баронессы. Дорога, петлявшая вдоль полей и пролесков, заставила бы иного путника замереть в восхищении, но Тали никакого восхищения не испытывала. Вокруг родного поместья такой красоты вдосталь. Вот только дома, если устала, можно удобно устроиться в кресле, и никто тебя не потревожит, еще и чаю нальют или лимонада.

Мыслями своими девушка со спутником, понятное дело, не делилась. Страдала молча. Тот, если и обратил внимание на дурное настроение попутчика, вида не подал. Списал на бессонную ночь и пережитое от встречи с приبلудным содомитом потрясение. Да еще на отсутствие опыта. Невооруженным глазом видно, что паренек впервые так далеко с поручением направился. Зеленый еще. В седле сидит, как дрын проглотил, что гвардеец на параде. Поводья теребит без нужды, а надо бы расслабиться и дать лошади волю. Она сама пойдет, без понуканий. Видно же, лошадь к такой работе, в отличие от всадника, привычная. Но Милек не лез к спутнику ни с советами, ни с помощью. Наступит время – своим умом дойдет. Помотает его по стране, научится в седле есть, в седле спать. А пока Милек делал ненужные ему привалы, чтобы мальчишка не спекся раньше времени.

К вечеру, когда добрались до места, Тали чувствовала себя совершенно разбитой.

Оказалось, в деревне Милек был персоной широко известной. Вот только слава эта, судя по перекошенным лицам попадавшихся навстречу мужиков, имела неприятный душок и сулила недоброе.

– Неудачники, – спокойно ответил он на вопросительный взгляд девушки и широко улыбнулся.

– Не пришлось бы нам отсюда среди ночи сбегать, – прокомментировала Тали, на что парень лишь пожал плечами, оставляя все на волю богов.

В приютившей путников крестьянской избе Милек уже бывал. За символическую плату им позволили переночевать на сеновале, накормить лошадей и разделить с хозяевами трапезу. За ужином Милек вежливо общался с хозяйкой дома, развлекая ее байками из своей насыщенной событиями кочевой жизни и последними новостями большого мира. При этом он старательно игнорировал зазывные взгляды хозяйской дочери.

Девушка оказалась недурна собой, и Тали искренне недоумевала, почему Милек всячески избегает ее внимания и не сыплет комплиментами, что было привычной для него манерой общения с представительницами прекрасного пола. Однако, когда на кухне появилось трое могучих мужчин, Тали поняла причину сдержанности спутника. Молодая пейзажистка в присутствии хмурых братьев сникла и стала вести себя, как полагается дорожающей своей честью девице.

После ужина Тали собралась помыться в нетопленной бане. Милек порывался составить компанию, но, встретив отпор в виде сбивчивых, несуразных возражений и списав стеснительность попутчика на недавно перенесенную душевную травму, терпеливо дождался своей очереди, после чего куда-то пропал. На сеновале появился уже глубокой ночью. Девушка сквозь сон слышала, как он взобрался на свою лежанку, что-то сказал ей и, не дождавшись ответа, уснул.

Весь следующий день они провели в дороге. За спиной оставались селенья, обширные пастбища и заливные луга, где крестьяне косили траву. Было несколько привалов среди таких сенокосов, во время которых Милек, окруженный веселыми деревенскими девками и молодыми бабами, не сдерживал природного обаяния, в результате чего сумки путников пополнялись свежей провизией, а спины дымились от прожигавших их злобных взглядов мужиков.

Ближе к ночи приятели добрались до большого поселения, раскинувшегося на берегу широкой реки Эброльи и носившего название Дубравы. Видимо, это и были те самые то ли Пеньки, то ли Дубки, про которые говорила кормилица.

Переправляться решили утром, а пока нашли единственный в поселке постоянный двор, расположенный практически у самого берега. В большой широкой комнате, где подавали ужин, царил оживление. Все посетители, да и сам хозяин, увлеченно обсуждали вести с северных рубежей. Недавно белоярцы пытались прорваться через границу, что с успехом пресекли имперские пограничники. Империя спешно подтягивала новые силы для укрепления пограничных отрядов, и собравшиеся делились предположениями о перспективах надвигающейся войны. Тали несколько раз слышала имя отца и влезла в самую гущу, желая узнать последние новости.

– Говорят, они хотят вернуть свои земли, что на том берегу Эброльи.

– Нам только этих северных овцетрахов под боком не хватает, пожри их Мара! Им того берега мало будет, они и наш заграбастают!

– А император-то куда смотрит? Мало того что налоги дерут, половину урожая графу отдаем, парней наших в дружины забирают, так еще и прижать этих вшивых ублюдков не могут как следует.

– Да отдали бы им хоть какие-то земли. Тройка жирных баронов без наделов останется, зато нас, глядишь, и не тронут. А то как займется, куда бежать-то? Урожай в поле. Скотину девать некуда. Граф-то не больно о нас беспокоится.

– Слыхали, у барона, который на том берегу замок держит, дочку украли? Жених ейный ее разыскивает. Его дружинники повсюду листовки развесили. Тому, кто баронеску найдет, обещают награду. Даже за мертвую, говорят, денег дадут, но за живую больше.

Тали от такой новости поперхнулась воздухом.

– Поди, белоярские ублюдки ее и уворовали.

– Да на кой она им сдалась? Своих, что ли, девок не хватает?

– Так наши-то краше, а дочка барона, говорят, первая красавица.

– Да видал я эту красавицу, тощая, что твоя доска. А белоярцы-то, поди, не дураки, любят, когда бабу пощупать можно.

Девушка одарила комментатора пристальным взглядом, силясь вспомнить, при каких обстоятельствах они были представлены друг другу и когда тот успел рассмотреть ее прелесть, точнее отсутствие оных. Лицо измученного жизнью бородатого крестьянина оказалось ей незнакомо. Видимо, он относился к тому типу людей, которые, стремясь продемонстрировать свою осведомленность в любых вопросах, не чураются плести небылицы. Благо проверить правдивость их рассказней некому.

– Не знаю я ничего про то, есть ли у нее что пощупать, но вот затеять войну из-за девки вполне могут.

– Да какой дурак из-за баронской дочки будет войну начинать? Кромак давно уже у нашего землю свою назад требует. Вот из-за этого-то и будем воевать, а не из-за баб. Отдали бы по-хорошему, да и жили себе в мире. А баб на всех хватит. Ведь какой год покоя нет.

Потолкавшись еще немного возле стойки, где толпились завсегдатаи, и не услышав ничего дельного, Тали вернулась к Милеку. За их столом разместились вооруженные мужчины, с которыми парень что-то сосредоточенно обсуждал. Когда Тали подошла к Милеку, один из них кивнул ей и подвинулся, уступая место рядом с попутчиком.

– Плохо дело, – обратился к Тали парень. – Война начнется со дня на день. Главное, успеть пакет отдать и смотаться, а то в солдаты загребут. В гарнизонах людей не хватает. Говорят, будут ополчение из местных набирать, чтобы продержаться до прихода основных сил.

– А далеко до границы? – спросила девушка.

Один из солдат, услышав ее вопрос, осуждающе покачал головой.

– Ну, ты, парень, даешь! За рекой граница начинается. Вот замки баронов Колле, д'Варро, д'Арта и графа д'Оррета.

Мужчина высыпал на стол соль из солонки, провел рукой, распределяя горку тонким ровным слоем. Солонку, перечницу и две кружки с пивом расставил в порядке, изображавшем расположение замков, кругами очертил территории, принадлежавшие баронам и графу. Провел широкую линию перед ними.

– Это Эбролья. Вот переправа, – ткнул пальцем, оставив ямку рядом с линией, обозначавшей реку. – Здесь Эбролья огибает земли графа и барона Колле и отделяет Белояр от империи. – На солевом слое река сделала крюк, протянулась и расширилась, прокладывая условную границу между империей и королевством и замыкая между двумя солевыми притоками земли барона Колле и часть земель графа д'Оррета. – А здесь сухопутная граница и непроходимые леса, откуда эти твари и появляются. Вот тут ждем первого удара. – Палец провел черту от перечницы, обозначавшей замок и земли барона д'Варро, до кружки пива, назначенной замком д'Арта. Где-то между перечницей и кружкой располагался лагерь герцога д'Ирва.

– Мы сейчас на землях графа д'Оррета? – поинтересовалась Тали, холодея.

Дружный кивок развеял все сомнения.

– Да, земли графа тоже граничат с Белояром. Мы как раз на заставу собираемся. Гонялись по поручению графа за его невестой. Девчонка пропала третьего дня из отцовского дома. Видно, не больно-то ей замуж хочется.

– Слышал, баронеску белоярцы украли, – подал голос Милек.

– Нужна она им, – хмыкнул один из солдат. – Увидала будущего муженька, да и дала деру. Граф у нас суров не по годам. С невестой, видно, тоже не мармеладничал. А в нынешних мамзельках дури больно много. Цветы им подавай, песни под балконами, поцелуи при луне. Любовь, одним словом. А он мужик конкретный: то в столице, то на границе. Не до серенад, в общем.

Девушка содрогнулась, вспомнив последнюю встречу с конкретным мужиком.

– Вот, может, видали?

Перед Тали и Милеком легла листовка с изображением женской головки. Рисунок сопровождался текстом, в котором граф д'Оррет обещал щедрую награду любому, кто вернет ему невесту живой. Стоимость мертвой невесты снижалась вдвое, но и эта сумма впечатляла. Цена будущей графини интриговала, портрет тоже.

– Тю-ю. А говорили, красавица! – Милек разочарованно протянул лист Тали.

Сбежавшая невеста принялась тщательно изучать собственное изображение, силясь обнаружить сходство. Один глаз значительно меньше другого, да еще косит, нос картошкой, рот – тонкая истеричная полоска, волосы собраны в подобие высокой прически, которая не поместилась на листе бумаги, в результате чего портретное изображение завершала насыпь с ровной площадкой. Интересно, кто это рисовал? Может, граф именно так ее и видит? М-да, странно, что супружеский долг потребовал. Оно и к лучшему. Поняв, что быть узнанной ей не грозит, девушка честно ответила: «Не, не видали» и вернула листовку охотникам за ее головой.

Совсем стемнело, когда Милек и Тали попрощались с солдатами и пошли спать. Все приличные номера на постоялом дворе были заняты. Пустовала лишь небольшая каморка под крышей. Милек видел в этом отличный способ сэкономить выданные на дорогу деньги, благо отчет о расходах хозяин не требовал, потому разницу можно было оставить себе, к тому же ни одной симпатичной девчонки, с которой захотелось бы уединиться в отдельной комнате, в гостинице не нашлось. Столы в харчевне накрывали необъятная хозяйская жена и старая горбатая прислужница. Ни той, ни другой не удалось пробудить в парне мужского интереса.

Кровать в комнате оказалась одна. И пусть она была достаточно широкой, чтобы свободно вместить двух путников, Тали всерьез раздумывала над тем, чтобы лечь на полу. Ее сомнения развеял Милек. Он занял место у стены, накрылся покрывалом, великодушно уступив одеяло попутчику, буркнул, что мужскими задницами не интересуется, отвернулся и мгновенно уснул.

Девушка боязливо прилегла на свободную половину ближе к краю, натянула одеяло до самого подбородка и принялась размышлять над своей судьбой. Вот она, приличная барышня из благородной семьи, делит постель с мужчиной, который не является ее мужем. Память услужливо явила содержание пособия по этикету, настоятельно предписывавшего избегать ситуаций, способных скомпрометировать добропорядочную девицу.

Добропорядочная девица обреченно осознала, что после сегодняшней ночи ни один достойный мужчина на ней не женится. Становиться супругой Милека не хотелось категорически. Значит, остаются лишь два пути: в монастырь или в падшие женщины. В монастырь идти было скучно, в падшие женщины – интересно, но страшно.

Упиваясь горестными мыслями, Тали уснула.

Ранним утром она стояла на причале, ожидая парома. Поднявшийся за ночь густой, как сметана, туман окутал реку и берег. Мир исчезал в плотном мареве уже на расстоянии полупага. Тали боялась пропустить момент, когда судно причалит к берегу, и старательно вслушивалась в белесую пустоту, но кроме размеренного плеска волн не различала ничего. Парома все не было.

Устав от ожидания, она сошла с деревянных мостков и медленно двинулась вдоль реки по песчаной полосе. Туман постепенно рассеивался, и стало видно, как Эбролья монотонно, будто через силу, накатывает на прибрежный песок. Тали подошла к воде, и волна лизнула кончики ее сапог, затем, отступив за границу белой пелены, вернулась и, как подношение древней богине, бросила к ногам человеческое тело. Мужчина в форме офицера имперской армии был мертв.

Река алела в лучах восходящего солнца, но не рассвет стал тому причиной. Тела солдат, облаченные в красные военные мундиры, раскачивались на волнах Эброльи, которая дымилась клочками тумана. И не было конца этому багряному приливу.

Ехать к границе теперь бессмысленно. Границы больше не существовало. Белоярцы вступили на территорию империи.

Тали, терзаемая недобрым предчувствием, вошла в реку и побрела по пояс в воде, раздвигая тела, вглядываясь в лица. Ей чудилось, еще немного, и она увидит знакомые черты. Эта мысль так захватила ее, оказалась настолько важной, что она внимательно осматривала каждый труп, при необходимости разворачивая его, если тот плавал спиной кверху. Она до дрожи, до тошноты боялась обнаружить знакомое лицо и, в конце концов, обнаружила. Смерть и пребывание в воде не пощадили барона д'Варро, но все же Тали узнала его. Она стояла в реке, не чувствуя холода, оцепенев от горя.

Оставить все как есть, бросить отца на прокорм обитателям Эброльи Тали не могла. Распалка мертвецов, она тянула тело барона в сторону берега. Очередной труп, судя по форме – офицер, развернулся от волны, созданной ее суетливыми движениями. Ледяная сморщенная рука задела брючину, но Тали уже привыкла к случайным прикосновениям мертвецов и перестала обращать на них внимание. Но тут осклизлые пальцы сомкнулись на ее запястье. Она попыталась вырвать руку. Тщетно. Мертвый Виллем, граф д'Оррет, крепко держал свою живую невесту. Он, не моргая, смотрел на Тали стеклянными глазами. Синие губы шептали: «Это еще не конец. Мы непременно встретимся. Тебе не сбежать от меня».

Тали подскочила в кровати, судорожно глотая воздух и слезы. Огляделась по сторонам в поисках угрозы. Но ни жениха, ни отца поблизости не оказалось, и она с облегчением рухнула на подушку.

Небо за окном серело, приближался рассвет. Милек лежал рядом. Он, раскинувшись, спал на спине, одной рукой сжимая запястье девушки. Лицо парня было беспокойным, похоже, и его мучили тревожные видения. Тали осторожно, чтобы не разбудить приятеля, расцепила хват, подвинула руку Милека, повернулась на бок и стала смотреть в светлеющий проем окна. Сон не шел. Вскоре захлопали двери, послышались торопливые шаги, потянуло жареным луком и выпекаемым хлебом. Наступило утро.

Виллем, граф д'Оррет, проснулся с тяжелой головой, мутной и гудящей, как от сильнейшего похмелья. Он страдал от жажды и жара. Жар растекался по телу, ослабляя, досаждая, добавляя к головной боли новые мучения. Неужели заболел? Как не вовремя! У него столько нерешенных дел, война начнется со дня на день, а тут еще жар. Жар и тяжесть. Виллем простонал сквозь стиснутые зубы, попытался подняться и понял, что дело нечисто.

Приоткрыв глаза, граф обнаружил себя в чужой камерке, похожей на комнату для прислуги в дешевой таверне, с грязным оконцем, пропускавшим сквозь мутные стекла припыленный солнечный свет, с давно не знавшим побелки потолком и дощатыми стенами, к которым местами были прищиплены выцветшие вырезки из модных каталогов.

Причина жара и тяжести оказалась весьма прозаичной и вместе с тем загадочной. Он лежал на сбитых несвежих простынях чужой постели, придавленный горячим телом. Обнаженным женским телом с невероятно аппетитными формами. Привычным жестом обняв незнакомку, Виллем глубоко задумался, напрягая больную голову в попытках вспомнить, какая нелегкая занесла его в эту кровать и кто эта женщина. Не то чтобы раньше с ним не случалось подобного. Военная академия славилась на весь Дирм пьяными лихачествами будущего цвета имперского офицерства. И Виллем в последние годы учебы целиком отдавался попойкам, стараясь забыть самый страшный кошмар своей жизни, топя в вине и загулах неутраченную боль величайшей утраты.

Много раз он просыпался в чужих кроватях, рядом с посторонними женщинами, не всегда привлекательными, не всегда молодыми. И столько же раз зыбкий образ, придуманный им идеал, в котором мало оставалось от настоящей, некогда живой Тали, возникал перед ним. В ее нежном облике не было ни укора, ни презрения. Лишь печаль и сожаление. Так в детстве на Виллема смотрела мать, прознав о его шалостях. Два светлых лика, две утраты – мать и возлюбленная – сплелись в один, и он сам не мог бы объяснить, из-за кого рыдал, перед кем каялся.

И этим утром сердце сжалось в предчувствии бурного раскаяния. Но его оборвали на самой пронзительной ноте. Случайная любовница заворочалась и проснулась. Приподнялась на локтях. Одарила Виллема восхищенным взглядом, заставляя позабыть и о головной боли, и о жажде, превращая жар из пытки в удовольствие. А после само собой случилось то, что случается обычно между молодым здоровым мужчиной и молодой красивой женщиной, оказавшимися в одной постели.

– Милая, – застегивая рубашку, обратился Виллем к незнакомке, подарившей ему чудесное утро. – Прости, запомнил твоё имя. Уверен, оно так же прекрасно, как и его обладательница.

– Веренея, милостивый государь, – жеманно хихикнула девица.

Замысловатое, наверняка выдуманное имя, деланный смех, раскрасневшиеся пухлые щеки, огромная грудь, рыхлый живот и натруженные руки с широкими ладонями и короткими толстыми пальцами показались графу донельзя вульгарными, а сама ситуация – пошлой до омерзения. Утро вмиг утратило былую привлекательность. Виллему захотелось броситься куда глаза глядят, только бы подальше от этой грязной комнатухи и ее обитательницы, чтобы стереть из памяти случившееся между ними. Он уже было шагнул в сторону ободранной двери, но остановился, вспомнив о деле, которое привело его на постоялый двор. Обернулся. Девица впопыхах натягивала платье.

Он вспомнил ее. Вечером в общем зале постоялого двора, где он выследил белоярскую шпионку, эта девка подавала еду и убирала со столов. Флиртовала со шпионкой, ошибочно приняв ту за смазливую юношу. И откликалась на менее вычурное и более подходящее ей имя. То ли Вийка, то ли Вейка.

– Веренея. Что ж, и вправду, чудесное имя. Расскажи-ка мне, любезная Веренея, как я очутился в твоей комнате.

– Нешто вы не помните, сударь? – вполне искренне изумилась девица.

– Увы. Я должен был встретиться здесь с одним своим знакомым. И, если мне не изменяет память, встреча состоялась. Вот только детали ускользают от меня.

– Ох, сударь! – девица всплеснула руками. – Да как же так? Вы же, сударь, настоящий герой! Вы заступились за меня! За честь мою девичью. Меня же наемники насильничать хотели, прямо в коридоре. Я так кричала, так кричала, на помощь звала, да все без толку. Постояльцы-то и хозяин попрытались по своим норам, как крысы трусливые. И лишь вы на мой крик откликнулись и один, безоружный, с тремя наемниками управились. Только вас во время драки по темечку – р-раз! и тюкнули, – вот вы чувств-то и лишились. И запомнили обо всем. А я вас к себе в комнату волоком притащила, чуть спину не сорвала. Но ради такого доброго сударя мне ничего не жалко.

Веренея вралась складно, как по писаному. Но что вралась, Виллему было очевидно. Слишком важное дело привело его на постоялый двор. И крики трактирной подавальщицы не отвлекли бы его от цели. Да и честь свою девичью она давным-давно продала заезжему торговцу, а после за вознаграждение делила койку с постояльцами. Стал бы он безоружным бросаться на помощь потасканной прислужнице и вступать в заведомо проигрышную при таком раскладе схватку с наемниками? Отделался бы, ввязавшись в драку, одним ударом по голове? Маловероятно. Но по голове его все-таки приложили довольно ощутимо. И напали испод-

тишка, со спины. Возможно, позарились на туго набитый кошель, которого он не обнаружил среди своих вещей, заботливо развешенных на стуле. И пока он валялся без сознания, бело-ярская шпионка улизнула.

Девушка, справившись со своей одеждой, помогала ему надеть мундир. Заливалась соловьем, восхваляя рыцарство и доблесть доброго сударя, и определенно переигрывала. Устав слушать лживые дифирамбы, он сжал ее горло. Не слишком сильно. Но этого хватило, чтобы она умолкла и начала сипеть.

– А теперь послушай меня, Веренея, или как там тебя на самом деле зовут. Я не спрашиваю, где мой кошелек. Понимаю, его уже не вернуть. Не спрашиваю, где твои сообщники, по чьей милости я получил по голове. Даже если ты выдашь их, у меня попросту нет времени рассчитаться с ними. Все, что мне нужно знать, так это то, куда делась девчонка, возле которой ты вчера весь вечер крутилась.

Вейка продолжала сипеть, вращая выпученными покрасневшими глазами, в которых дрожали слезы. Виллем разжал пальцы.

– Говори!

Напуганная до полусмерти служанка судорожно вдохнула, обхватив горло ладонями.

– Девчонка? – прохрипела она. – Не понимаю, о чем вы, благородный господин.

– Девчонка, переодетая в мужской наряд. Смазливая, кудрявая, синеглазая.

Вейка не сразу поняла, о ком вел речь благородный господин. Она и представить не могла, что красивый скромный паренек окажется переодетой девицей.

– Так это... ранним утром... еще до зари уехал. Уехала.

– Куда она направилась?

– Да почему же мне знать, сударь? Я у постояльцев не спрашиваю, куда и зачем они путь держат. Не мое это дело.

Сильные пальцы снова сомкнулись на Вейкиной шее.

– Не шути со мной, Веренея. Девчонка из-за собственной глупости может попасть в беду. Она повздорила с отцом и сбежала из дома. По его просьбе я ищу ее, чтобы вернуть любящему родителю, который от беспокойства сна лишился. У меня нет времени ходить вокруг да около, убеждая тебя помочь. Поэтому или ты сейчас отвечаешь на мой вопрос правдиво и без уверток, или мы идем в ратушу, где я, граф д'Оррет, выдвину обвинение против трактирной служанки Веренеи в соучастии в похищении дочери барона д'Варро. Из ратуши ты прямиком попадешь в тюрьму, а после – на виселицу. Штрафом или поркой в этом случае не отделаешься.

Вейка была не настолько безрассудна, чтобы рисковать жизнью ради неизвестной девицы. Если граф не врет и вчерашний юноша, которого она, очарованная его миловидностью и застенчивостью, собиралась приласкать совершенно безвозмездно, – благородная леди, пропавшая из отчего дома, и если к этой пропаже приплетут Вейку, последней несдобровать. В суде она сорвет голос, доказывая, что непричастна к похищению баронской дочки, что и похищения-то никакого не было. Она может призвать половину постоянного двора в свидетели, да все без толку. Что значит слово простолюдина против слова аристократа?

Спустя несколько минут Виллем д'Оррет покинул постоялый двор. Служанка, испугавшись угрозы, рассказала все, что узнала накануне из болтовни с девчонкой и ее соседом по столу. И этот рассказ подтвердил опасения графа. Белоярская шпионка направлялась в ставку герцога д'Ирва под личиной посыльного. У Виллема не было сомнений насчет ее целей. Они очевидны. Втершись в доверие к герцогу, она займется тем, для чего и была направлена в империю: сбором секретных сведений и передачей их врагу.

Барон д'Варро – редкостный простак, давший приют и собственное имя белоярской змее. Но так ли этот человек прост? Не исключено, что они заодно. Виллем, давно не навещавший Гарета, во время последнего визита заметил, что дела барона явно идут в гору. Дом отремонтирован и обставлен новой мебелью. Сад облагорожен. Слуг в поместье прибавилось. На какие

деньги барон, обычно крайне стесненный в средствах, произвел столь значительные улучшения? Не получает ли он вспомоществование из белоярской казны? Не переметнулся ли на сторону извечного врага, не купился ли на щедрые посулы? Виллему не хотелось верить в предательство несостоявшегося тестя, но факты подтверждали: барон не благонадежен.

Граф торопился к границе, в ставку герцога д'Ирва. Перед отъездом он дал указание своим солдатам найти художника, который по словесному описанию нарисует баронессу, и, имея на руках ее портрет, отправиться на поиски. Виллем рассчитывал перехватить шпионку до того, как она окажется в приграничном лагере и нанесет непоправимый урон интересам империи.

Глава 4

Народу на паром набилось немало. В основном солдаты с лошадьми и повозками, груженными оружием и провиантом. Местных, переправлявшихся на ту сторону, практически не оказалось, а те, что готовились к отправке, вскоре должны были составить часть народного ополчения, про которое накануне говорил Милек. Прощаясь с мужьями, сыновьями и братьями, были в голос, нагоняя тоску, крестьянки, и Тали с нетерпением ждала, когда судно отчалит от берега.

Плыли недолго. Другой берег смутно виднелся еще с пристани. По мере приближения к нему девушка смогла разглядеть толпу, ожидавшую судно. Людское море исступленно колыхалось. Жители приграничных сел, в спешке покинувшие свои дома и огороды, метались по берегу. Над рекой разносились мычание коров, блеянье овец и визгливая ругань до смерти напуганных баб.

Милек смачно выругался.

– Началось, – обреченно буркнул парень. От обычной жизнерадостности не осталось и следа. – В самое пекло задницу тащить.

Тали еще утром, едва проснувшись, решила после переправы смешаться с толпой, скрыться от Милека и повернуть обратно. Домой. Сейчас же, видя картину надвигающейся войны, она утвердилась в своих намерениях, понимая, что графу будет не до нее. Войска Виллема наверняка уже на границе, и встретить его самого там шансов гораздо больше, чем в родном доме. Ехать в приграничное село, куда Тали направила кормилица, равносильно самоубийству. Такие села сметаются вражескими отрядами в первую очередь. О том, что оборону не удержать, непрозрачно намекнули вчерашние собеседники из отряда графа. Император слишком небрежно отнесся к донесениям разведки и не укрепил своевременно приграничные гарнизоны, оставив охрану северных рубежей на попечение баронов и графа. Отряд герцога д'Ирва, стоявший на границе, также был невелик. В общем, начнись война завтра, земли до самой переправы отойдут северянам без особых усилий с их стороны. Так рассуждали вчерашние ее сотрапезники.

Неожиданная мысль заставила девушку отказаться от своего плана. Из того, что она услышала от графа д'Оррета в гостиничном номере, где лежала привязанная к кровати, находясь в полной его власти, Тали четко уяснила: барон д'Варро не отец ей. Она усомнилась, что возникшее у него когда-то отцовское чувство не уступит инстинкту самосохранения и он не надумает избавиться от названной дочери как от доказательства своей нелояльности короне. В военное время паранойя на почве шпионажа существенно возрастает.

Рисковать не хотелось. Девушка посчитала, что шансов выжить в творящейся в армии неразберихе больше, чем в родном доме, где Виллем оставил соглядатаев – своих дружков. Она отмела сомнения и приняла решение продолжить путь в ставку герцога. Мысль слиться с толпой беженцев и затеряться на просторах империи не пришла ей в голову.

Сойдя на берег, Милек и Тали продолжили путь в компании солдат графа и крестьян из ополчения. Через пару часов небольшой отряд свернул на запад, а парень с девушкой погнали коней на север. Полдня прошло в напряженном молчании. За каждым кустом мерещились затаившиеся белоярцы. Наконец дорога вывела к ставке герцога.

Постовые задержали путников, велели спешиться, выпросили, по какому делу прибыли. Один из них взялся проводить молодых людей.

Военный лагерь занимал широкое поле, вытопанное солдатскими сапогами. Всюду, куда ни кинь взгляд, стояли палатки. В лагере бурлила обычная жизнь: горели костры, сновали туда-сюда люди.

Проходя между рядами палаток, Тали с интересом наблюдала армейские будни. Над кострами висели котлы, на натянутых веревках сушилась одежда, кто-то точил и чистил оружие. Заметив женщин, свободно передвигавшихся по лагерю с корзинами не то с бельем, не то со снедью, девушка удивилась.

– Маркитантки, – пояснил Милек, но Тали не знала значения этого слова, а спрашивать не стала, побоялась вызвать подозрение.

Раньше она мало думала о войне, практически не интересовалась ею. Героические баллады, сложенные бардами древности в честь доблестных рыцарей, не описывали прозаичный быт армейской жизни. В полюбившихся ей романах тема войны, в том числе последней, с тем же Белояром, не затрагивалась вовсе.

Проходя мимо занятой обедом женщины, еще молодой, но уже потертой жизнью, Тали, оглянувшись на Милека, заметила, как оживился парень.

– Солдатские жены, – с пошлой ухмылкой сказал он.

Женщина поймала взгляд Тали и улыбнулась ей.

– Любят тебя девки, – не удержался Милек.

– Ты тоже судьбой не обижен, – не осталась в долгу девушка.

Идти до офицерских палаток пришлось довольно долго. Постовой привел молодых людей к самой вместительной.

Охранявшие вход солдаты велели разоружиться. Милек, достав из ножен меч, положил его у входа. Тали последовала примеру товарища. О том, что в сапогах у нее два кинжала, девушка попросту забыла.

В герцогском шатре трое мужчин склонились над столом, сосредоточенно изучая карту и оживленно обсуждая планы предстоящих маневров. Увидев вошедших, офицеры замолчали. Самому старшему из них было лет шестьдесят на вид. Высокий, поджарый, с военной выправкой и благородной сединой в волосах, он непроизвольно внушал трепет. В его присутствии и Милек, и Тали вытянулись, как солдаты на плацу.

– По какому вопросу? – обратился к ним один из офицеров.

– Пакет от графа Валерио, – не глядя на задавшего вопрос мужчине, Милек отрапортовал герцогу и протянул бумаги.

Офицер перехватил пакет и вручил адресату. Последний вскрыл его, достал пачку писем, пробежал глазами некоторые из них. Содержание, похоже, удовлетворило герцога. Он передал письма офицеру. Пока тот сосредоточенно изучал их, позвал одного из солдат, охранявших палатку.

– Накормить, через полчаса привести ко мне, – распорядился герцог.

– Вернешься – получишь ответ, – предназначалось Милеку.

Парень с облегчением выдохнул, понимая, что сегодня же отправится обратно, и покинул палатку, кивнув Тали на прощание.

– Письмо от барона д'Варро, – следуя примеру Милека, сказала Тали.

Письмо из ее рук герцог взял сам. По рассказам Верта девушка знала: с герцогом у отца давняя дружба. Именно он ходатайствовал перед императором за барона три года назад, благодаря чему тот избежал трибунала за халатность в охране вверенных рубежей.

Герцог читал письмо, время от времени бросая на Тали короткие взгляды. Закончив, на минуту задумался.

– Барон хочет, чтобы я дал тебе место в своем отряде. Просит приглядеть за тобой и обучить. Видит в тебе перспективы, которые сам развить не в силах. – Мужчина скривился, словно откусил лимон. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – робко ответила Тали.

От такой новости у нее едва не подкосились ноги. Попала, нечего сказать! Из огня да в полымя.

– А по виду не скажешь. Грамоте обучен?

– Умею читать, писать, ваша светлость. Владею мечом... немного. – При последних словах герцог снова скривился.

– Звать как?

– Верт.

– На подвиги потянуло, Верт? Дома не сидится? Мать-то как отпустила такого?

– Сирота, ваша светлость. Желаю служить родине, – голос от страха сделался тонким, почти детским.

Службу родине она представляла себе иначе. Вышивать вместе с другими юными патриотками платки или кошель для солдат, писать незнакомым офицерам трогательные воодушевляющие письма, навещать раненых в госпитале. Этим, пожалуй, ее патриотическое рвение и исчерпывалось.

– Служить родине можно и в тылу, – подтвердил мысли девушки герцог. – Но юность жаждет подвига. Славы. Вот только война – это прежде всего вши, кровавый понос и гноимые раны. Сотни новобранцев погибают в первом же бою, и лишь единицы обретают вожаемую славу, чаще всего посмертно. Что тут скажешь, война плодит романтиков. Восторженные мальчишки рвутся на поиски геройской смерти. И это только начало, – обратился к офицерам герцог. – Скоро костями таких вот патриотов будут усеяны все поля в устьях Эброли. Ни силы, ни выучки. Да и ума... Ладно, просьбу барона уважу. Будешь вестовым, – сказал он Тали, – а там посмотрим. Как раз есть сообщение для барона. К нему и отправишься, благо лагерь его недалеко от поместья д'Варро. Да ты и сам знаешь. Может, он одумается и отправит тебя обратно в тыл. А нет, так вернешься, продолжишь родине служить.

Из шатра девушку вывел младший офицер, отдал приказ солдату. Тали забрала свой меч и в сопровождении солдата последовала в палатку вестовых, ведя за собой лошадь.

В палатке, рассчитанной на четверых, находились двое немолодых воинов. Перекинувшись с ними парой фраз, Тали расстелила на земляном полу то, что должно было служить постелью, и легла, положив под голову сумку. После нескольких дней верхом ныло все тело. Непривычные к подобным испытаниям мышцы отзывались саднящей болью на каждое движение. А впереди еще путь до лагеря барона.

Направляясь в ставку герцога, Тали не подумала, что отец тоже окажется на границе. Хотя где еще ему быть в такое время? До недавних пор она вообще не интересовалась политикой. О возможности нападения белоярцев слышала краем уха, но не воспринимала это всерьез. Гораздо сильнее она переживала по поводу свадьбы с графом и отсутствия других перспективных поклонников.

«Только бы Виллема там не оказалось», – думала девушка. Смирившись с предстоящей встречей с приемным отцом, она понадеялась на благоприятный исход, чему, безусловно, могло помешать присутствие в лагере барона мстительного жениха. Оставалось уповать на то, что граф занят организацией обороны на собственном участке.

Отдых прервал недавний солдат.

– Генерал ждет тебя.

В герцогском шатре прибавилось народу. Вокруг стола толпились офицеры. Герцог, он же генерал, вручил Тали конверт, ткнул пальцем в карту, указывая на лагерь барона. Она отдала честь (низко опустила голову, затем вздернула подбородок – подсмотрела этот жест в лагере) и вышла. На миг ей показалось, что среди присутствующих был Виллем д'Оррет. Но, сделав пару глубоких вдохов и выдохов, девушка успокоилась. Могло и привидеться. Она уже не раз вздрагивала и порывалась бежать, когда сталкивалась с кем-нибудь из офицеров, имевших такой же, как у графа, рост и похожую прическу.

Из ставки герцога Тали рванула галопом. Донесение срочное, да и очень хотелось увидеть отца. Тали старалась отогнать сомнения по поводу его отношения к ней, надеясь, что предсто-

ящая встреча положит конец ее мытарствам и вернет к спокойной, размеренной жизни. Она неслась навстречу заходящему солнцу, туда, где был замок отца, недалеко от которого располагался его лагерь. Нужно успеть до темноты, чтобы не плутать на ощупь по незнакомым тропам.

Когда до пункта назначения по самым смелым подсчетам оставалось не больше часа, а на лес, сквозь который вела дорога, опустился вечерний сумрак, послышался перестук копыт. Кто-то нагонял ее. Тали не придавала этому особого значения, рассудив, что кроме нее дорогу вполне могут использовать другие вестовые.

Лошади поравнялись. Тали бросила на случайного попутчика короткий взгляд и, вскрикнув, рефлекторно натянула поводья. Кобыла встала на дыбы, а девушка от неожиданности вылетела из седла. Замерла на миг, приходя в себя, затем кинулась в сторону леса, подальше от знакомого всадника.

Виллем д'Оррет наслаждался произведенным эффектом. Нагнал ее в несколько секунд и, глядя, как невеста мечется в безысходности, пытаясь обогнуть коня, выдал:

– Все, сучка белоярская, отбегалась. В этот раз долгих разговоров не будет.

Спешившись, он обнажил меч и направился к Тали, рассчитывая на скорую расправу. Понимая, что ничего другого не остается, девушка выхватила из ножен клинок, который в сравнении с мечом жениха казался зубочисткой, заняла оборонительную стойку и приготовилась отражать нападение. Мужчина рассмеялся и занес оружие. После парированного удара смех оборвался.

– Кошечка выпускает коготки! Я ни секунды не сомневался, что ты не так проста, как хочешь казаться.

Тягучий лязг металла перекрыл щебетание птиц и стрекот кузнечиков. Тали, не задумываясь, на голых инстинктах, делала выпады, нанося удары и уходя от них. Все, чему учил Верт, вспомнилось в одночасье. Но кроме этого было жгучее желание выжить, повинаясь которому тело, невзирая на усталость, включило неведомые доселе навыки.

«Мышечная память», – почему-то пришло на ум. Учитель музыки говорил когда-то, что пальцы сами вспомнят, как играть на инструменте, даже после долгого перерыва. Видимо, сейчас скрытые резервы организма пришли на помощь.

Совершенно случайно ей удалось зацепить противника, но несерьезно. Наконечник меча слегка чиркнул по плечу мужчины, рассек рубашку. Ткань облепила руку, заалела вокруг пореза.

При других обстоятельствах девушка порадовалась бы собственным успехам в ратном деле. Но сейчас она сознавала, что достать жениха удалось лишь потому, что тот не ждал серьезного отпора. На самом же деле умения Тали были далеки даже до посредственных.

Трезвая оценка своего мастерства наполнила ее горькой отчаянной силой. Если уж отдать жизнь непонятно за что здесь, на пыльной, истоптанной лошадьми и повозками дороге, то отдать задорого. Так, чтобы любезному жениху надолго запомнился этот первый и последний их совместный танец.

Виллем больше не усмехался. Он устал гонять по придорожной траве ускользящую невесту. Силы девушки давно были на исходе. В какой-то момент граф перехватил удар, крутанул свой меч и резко дернул его в сторону. Клинок, выскользнув из мокрых, онемевших девичьих ладоней, полетел в кусты. У нее попросту не хватило сил удержать собственный меч. Она с безысходностью глядела в ненавистное лицо и понимала, что времени броситься за отлетевшим оружием катастрофически не хватает.

Неужели все? Конец? Мужчина не сомневался в этом. Его губы расплылись в торжествующем оскале. Короткий взмах меча...

Виллем содрогнулся всем телом. Замер. В его груди торчали металлические наконечники, белый хлопок рубашки окрасило, стремительно расплываясь, багровое пятно. Не сводя с невесты мутнеющего взгляда, граф рухнул на колени, а после упал лицом в траву.

Тали упала следом, прижавшись к земле. Кем бы ни был ее неожиданный спаситель, в чудесное избавление она не слишком верила.

Вмешаться в поединок двух имперцев столь фатальным образом могли лишь их заклятые враги – белоярцы. Ждать от них добра не приходилось. В памяти ожили рассказы Верта о зверствах извечных противников Кардийской империи.

Надо бежать. Но как это сделать, не словив стрелу?

Тали, распластавшись по земле, ползла к лошади, когда почувствовала, как на спину опустилось что-то тяжелое, мешая продолжить движение. Она медленно повернула голову.

Их было трое. Один держал в руках взведенный арбалет. Другой с мечом наизготовку стоял чуть поодаль. Сапог третьего прижимал Тали к земле.

Девушку рывком подняли на ноги. Затем последовал удар в живот, после которого ее, согнутую пополам, задыхающуюся от боли, связали, и, натянув ей на голову мешок, закинули на коня, как поклажу.

Тали не помнила, сколько проехала, болтаясь поперек чужого седла. Голова, гудящая от прилившей крови и нехватки воздуха, билась о чужое колено. Любая попытка хоть немного изменить положение тела вызывала у всадника раздражение, которое он тут же срывал на пленнице, награждая ее ругательствами и тычками. Тали чувствовала, как затекли и онемели связанные руки, как пекло бедро и намокала брючина. В горячке боя девушка не заметила, что Виллему удалось зацепить ее, сейчас же порез пульсировал болью в такт лошадиному шагу.

Когда движение прекратилось, пленницу стянули с коня и, ухватив за подмышки, куда-то поволокли. Заскрипела дверь. Ударились о ступеньки ноги. Носками сапог она проскребала по дощатому полу, пересчитав половицы. Ее усадили на стул, привязав локти к спинке, лодыжки к ножкам. Сорвали с головы мешок.

Тали глубоко, жадно вдохнула чистый воздух, больше не отдававший плесневелой ветошью, поморгала, привыкая к свету, осмотрелась. Она оказалась в центре маленькой убогой комнатухи, большую часть которой занимала внушительных размеров печь из небеленого кирпича. Кособокий, грубо сколоченный стол, такой же самодельный топчан у стены, служивший чьей-то постелью, да пара стульев, один из которых Тали уже успела нагреть, – вот и вся обстановка.

Возле стола, заваленного ворохом вещей, ее вещей, судя по растерзанной дорожной сумке, брошенной там же, негромко переговаривались мужчины. Двоих она помнила по недавней встрече на лесной дороге.

– Позови Брана, – велел одному из мужчин незнакомый офицер.

Он держался так, словно был здесь главным. Тали с жадным интересом разглядывала его. До сегодняшнего дня ей не доводилось встречаться с врагами империи. На сложившийся в ее представлении образ безумного берсерка белоярец не походил. Выглядел вполне цивилизованно.

Судя по выправке, движениям и интонациям, с которыми мужчина обращался к солдатам, он был офицером не младшего состава, чем-то неуловимо напоминая герцога д'Ирва. Не внешностью. И уж точно не возрастом. Скорее, манерами, привычкой повелевать, не сомневаясь, что его распоряжения незамедлительно исполняют.

Белоярца можно было смело назвать привлекательным. Высокий лоб, выраженная горбинка носа, упрямая линия рта и решительный подбородок выдавали породу. Мужчина совершенно точно входил в число знати. Светлые волосы – редкость в империи – были чуть длиннее, чем предписывала мода. Серые глаза белоярца внимательно изучали Тали.

Скрипнула дверь. Вернулся солдат, которого посылали за Браном, в сопровождении молодого мужчины, видимо, того самого Брана. Пришедший так сильно походил на офицера, что сразу угадывалось родство. От старшего родича его отличали романтично восторженное

выражение лица, на котором еще сохранилась юношеская припухлость, и легкий взгляд человека, не успевшего испытать ударов судьбы.

– С ними девчонка была. – Главный протянул Брану письмо, адресованное сестре милиции.

– Было только двое, – прозвучал уверенный ответ солдата. – Этот мальчишка и мужик, которого мы того... Мужика мы с дороги убрали. В канаву скинули. Если найдут, то нескоро. Скорее звери растащат. Лошадей увели.

– А мужика-то зачем «того»? – недовольно поморщился главный. – Пригодился бы. Наверняка больше знал, чем этот.

– Так дрались они. Мальчонка уже помирать приготовился. Вот я арбалет и разрядил в мужика-то. Все, что у него было, мы забрали.

Главный кивнул, велел всем, кроме Брана, выйти, после чего приблизился к Тали. Схватив за подбородок, задрал ее голову так, что их глаза оказались на одной параллели.

– Кем был тот человек, которого убили мои люди?

Тали не сразу поняла, чего от нее хотят. Не дав ей собраться с мыслями, мужчина отвел руку и хлестнул ладонью по лицу с такой силой, что она упала вместе со стулом. Стул подняли.

Белоярец занес руку, готовясь повторить удар.

Церемониться с пленником не входило в его планы. Он с нескрываемым раздражением рассматривал напуганного паренька и понимал, что вылазка разведчиков оказалась провальной: вместо сколь-нибудь пригодного информатора его люди притащили нечто невнятное. Юного патриота, не иначе. Самое дурное племя. Глядя на него, не поймешь, на что он готов: то ли принять геройскую смерть во славу империи, скандируя идиотские лозунги, то ли в штаны наложить. Одно другому, впрочем, не мешает.

С помощью оплеухи белоярец добился от пленника нужной реакции. Тот закивал, демонстрируя расположенность к диалогу.

Тали сквозь пелену слез и мокрые, облепившие лицо пряди глядела на белоярца. В ушах звенело, отбитая щека горела огнем. Ситуация была хуже некуда. Как разрешить ее в свою пользу, девушка не представляла. Она догадывалась: сейчас ее будут пытаться. Потом, поняв, что она ничего не знает, попросту убьют, а истерзанное тело бросят в лесу. В том, что ее ждет именно такая участь, беглая баронесса ни секунды не сомневалась. Достаточно было присмотреться к мужчине, возвышавшемуся над ней.

Она хотела жить. Ледяной, пробиравший до костей ужас перед лицом смерти, боязнь боли, гораздо более сильной, чем от пощечины, простая и ясная мысль, что она не герой, всего лишь слабая женщина, заставили ее принять решение: рассказать все, что ей известно. И если боги смилостивятся, белоярец пощадит ее.

Тали собрала остатки сил. Открыла рот, из горла вырвался надсадный хрип.

– Граф Виллем д'Оррет, – ответила она, едва совладав с голосом.

Бран присвистнул.

– И что же он делал на лесной дороге один, без своих людей? – наклонился ближе к девушке ее мучитель.

– Меня убивал. А люди? Не знаю... Не было с ним людей. Может, следом ехали.

– Чем же ты был ему так дорог, что он сам лично тебя убивал?

– Это вы у него спросите.

Необдуманный ответ привел к новому удару по лицу. С одной стороны ладонью, с другой – полем. Когда стул вернули на место, белоярец ухватил девушку за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза, в которых не было ни жалости, ни милосердия.

– Дерзишь, – угрожающе протянул мужчина. – Повторить вопрос?

Тали замотала головой, давая понять, что прекрасно помнит его, да и дерзить более не намерена.

– Он думал, что я шпиону на белоярцев.

Мужчины недоуменно переглянулись.

– А где девчонка, которая с тобой ехала?

– Не было со мной никого. Честное слово, не было! – отчаянно вскрикнула Тали. – Я по поручению герцога д'Ирва ехал к барону д'Варро. Не было со мной никаких девчонок!

Бран жестом подозвал мужчину. Принялся что-то вполголоса втолковывать ему, показывая письмо. Мужчина кивнул. Вернулся к Тали.

– Не было, говоришь, девчонки? А мне сдается, что была. – И, схватив ворот ее рубахи, резко рванул.

Ткань с треском разошлась, не оставляя сомнений в половой принадлежности допрашиваемого. Тали, еще секунду назад готовая принять очередной удар, съежилась и, насколько позволяли путы, пригнула голову к коленям. Но ее подбородок снова вздернули вверх. Мужчина медленно повернул ее лицо сначала в одну сторону, затем в другую. Плавное, даже нежно провел шероховатыми пальцами по щеке, будто хотел стереть след от пощечины, затем прочертил линию по шее, а после его рука неторопливо продолжила затайливый путь к девичьей груди. При этом мужчина внимательно наблюдал за реакцией пленницы.

Тали трясло от ужаса и отвращения. Она хрипела и билась, как птица в силках, пытаясь вырваться из омерзительного плена чужих наглых лап, но путы держали крепко.

– Все, Дар, достаточно. – Бран перехватил руку главного.

Тот без особого удовольствия отступил. Бран тем временем разрезал веревки, державшие девушку. Как только он освободил ее, она запахла то, что некогда было рубашкой. Бран опустил ладони на ее плечи, успокаивая и ободряя.

– Как тебя зовут? – мягко спросил он.

– Ууууу.

Его голос, такой теплый и человечный, с ласковыми интонациями, столь неожиданными в этом страшном месте, где ее, без сомнений, ждала мучительная смерть, пробил плотину едва сдерживаемых эмоций. Девушка судорожно всхлинула, а после и вовсе разрыдалась, прижавшись к незнакомому мужчине, белоярскому варвару, как к родному. Тот же обнял ее и ждал, пока она успокоится.

Сбиваясь, захлебываясь слезами, девушка пыталась рассказать, как очутилась на дороге один на один с вооруженным человеком, желавшим уничтожить ее. Мужчины обменивались растерянными взглядами, не понимая в этом икании и заикании ни слова.

Когда истерика схлынула, Бран помог Тали подняться и подойти к столу. Баронесса упала бы, не поддержи он ее. Пленницу усадили на топчан у стены. Дар поставил перед ней кружку с водой. Руки девушки так тряслись, что кружка ходила ходуном, а вода выплескивалась, заливая одежду и стол. Бран держал ее ладони, пока Тали пила. Она вновь попыталась заговорить, но вместо слов вырывались всхлипы.

На смену кружке пришла фляга, которую Дар пристроил к губам девушки, вынуждая сделать глоток. Он едва ли не силой вливал в нее горькую зловонную жидкость, удерживая Тали за плечи, пока она плевалась и откашливалась. Отвратительный на вкус напиток обжег горло, зато по телу растеклось приятное тепло, смывая напряжение.

– Можешь говорить? – поинтересовался Дар у осоловевшей пленницы. – Успокойся. Никто тебя не обидит. Призналась бы сразу, что девчонка, я не стал бы с тобой так... – в его голосе слышались сожаление и досада.

Мужчина поставил стул напротив Тали. Сел и продолжил допрос.

– Как тебя зовут?

– Тали, – пролепетала девушка.

– Полное имя, – не удовлетворился ответом Дар.

– Талиэн Валерия д’Варро. Баронесса д’Варро, – громко, с вызовом глядя в его глаза, ответила она.

Бран присвистнул. Дар замер, обдумывая услышанное. Обдумал. Решил задать следующий вопрос.

– И почему же граф д’Оррет хотел убить тебя, баронесса д’Варро?

– Потому что замуж за него не хотела, – ляпнула Тали первое, что пришло в голову.

Мужчины переглянулись и захохотали.

– Имперские выродки не умеют принимать отказы? – спросил Дар.

– Потому имперские дамы учатся владеть оружием, – поддержал Бран.

За этим последовал очередной взрыв хохота.

Отсмеявшись, Дар бросил снисходительно:

– Будешь хорошей девочкой, расскажешь все, что тебе известно, и мы вернем тебя папочке. Слово офицера.

– Мне назад нельзя, – замотала головой Тали. – А все, что знаю, я вам и так расскажу. Только известно мне немного. Зря вы графа убили, он наверняка был в курсе планов генерала.

Тали подозревала, что Виллем успел сообщить герцогу д’Ирву, кем на самом деле является его вестовой. Исчезновение графа не останется незамеченным, не такая он фигура, и ее возвращение к отцу может навлечь беду на них обоих. В том, что герцог велит повесить ее на первом же суку, девушка ни секунды не сомневалась. Так же, как и в том, что барону вряд ли удастся второй раз избежать трибунала. Если, конечно, он вступится за названую дочь, а не примется самолично узлы на веревке вязать. Тали ясно сознавала, что назад дороги нет.

Руководствуясь этими доводами, девушка решила подробно пересказать события последних дней и доверить свою судьбу белоярским воинам.

В том, что ей сохранят жизнь, она больше не сомневалась. Тали заметила, как доброжелательно глядит на нее Бран. Помнила, как заботливо накрыл он ее плечи своим мундиром. Очевидно, что этот юноша – дворянин. Простые вояки не носят такие мундиры и не ведут себя столь благородно, вступаясь за честь незнакомых дам. Безусловно, благороден и... да, хорош собой. Он не даст ее в обиду. Возможно даже, возьмет в жены. После всего, что здесь произошло, он как благородный человек просто обязан на ней жениться. В голове промелькнула мысль, что жениться на ней по-хорошему должен менее благородный, на ее взгляд, Дар, который скомпрометировал ее. Скомпрометировал же? Но девушка отмахнулась от подобного вздора. Ну нет. Он дикарь. Самый настоящий зверь. Порывистый, непредсказуемый. И потом, Бран же присутствовал на допросе? Присутствовал. Следовательно, тоже ее скомпрометировал. Значит, Бран. Решено.

Ресницы девушки трепетали, пока она, доверчиво глядя Брану в глаза, делилась своими горестями, попутно выкладывая сведения о настроениях в ставке герцога д’Ирва, его планах и численности войска. Дар ловко задавал наводящие вопросы, выуживая необходимую информацию и с трудом пряча улыбку. Его забавлял неумелый флирт пленницы, адресованный Брану, равно как и заинтересованный блеск в глазах юноши.

– Относительно той истории трехлетней давности, не знаю, поверишь или нет, могу сказать наверняка: наших людей на границе не было, – сообщил Дар, после того как допрос подошел к концу. – Полагаю, так имперцы в очередной раз пытались развязать войну. Кого-то из ваших не устраивает шаткий мир между нашими государствами. Те диверсии, скорее всего, были спланированы кем-то из имперских дворян. Не исключая, что графы д’Орреты, и старый, и молодой, замешаны в том деле, это объясняет стремление твоего жениха избавиться от тебя как от последнего свидетеля. Тем более что империя готовится начать войну. И для ее развязывания используют уже опробованные методы. Не о благе империи беспокоился твой жених, а о том, чтобы не всплыло его участие в той грязной аванюре. Видишь ли, никто из солдат, участвовавших в той операции, не выжил. Пленных не брали, а если кто и сдался, с ними рас-

правились на месте. В результате допрашивать было некого. Мертвые тела в форме белоярской армии – самые красноречивые свидетели. Очень удобно, не правда ли? Задание изначально было задумано с таким исходом. Вопрос лишь в том, с какой целью тебя послали вместе с ними. Полагаю, в такие отряды набирали отъявленных мерзавцев. Сколько тебе тогда было?

– Четырнадцать, наверное, – пожала плечами Тали. – Я ведь уже объяснила, что ничего не помню.

– Странно, зачем избавляться от ребенка, да еще таким способом?

Мужчины какое-то время обсуждали, как с ней поступить. В результате Дар принял решение:

– Остаешься у нас. Своим людям велю, чтобы тебя не трогали, но учти: попытаешься бежать – убьют на месте.

Тали закивала, всем своим видом демонстрируя, что сбегать не намерена.

– Бран, устрой ее. А парням скажи: начнут приставать – разговор с ними будет короткий.

Бран взял девушку под локоть и вывел из дома.

Белоярцы разбили лагерь на лесной поляне. Бревенчатая изба, в которой допрашивали Тали, была единственным основательным строением, остальное пространство занимали палатки. Лагерь оказался небольшим, в ночной темноте девушка с трудом различила пять палаток. В одну из них Бран завел ее. Зажег свечу. Язычок пламени заплясал, разгоняя тьму по углам.

Слабый свет явил скудную обстановку: кровать, точнее походное одеяло, брошенное на землю, вещевой мешок и свечу в металлическом поддоне.

– Пока будешь спать здесь. Это моя палатка. – Бран повел рукой, обозначая свои небогатые владения. – Сегодня переночую у Дара. Не бойся ничего и, главное, не пытайся бежать. Дар не шутил. Убьют.

– Мне некуда бежать. – Трагичный вздох, опущенные dolu глаза и трепет потяжелевших от слез ресниц. – Бран, спасибо! Вы так добры! У меня нет слов, чтобы выразить свою признательность! Вы спасли меня. Я никогда этого не забуду!

Под смущенное бормотание Брана «что ты... не стоит... я ничего, собственно, и не сделал... Дар не так плох, как могло показаться... он бы никогда... он не такой... тебе ничего угрожает... мы позаботимся о тебе...» Тали подошла к импровизированной кровати. Раненая нога напомнила о себе, прострелив болью, едва девушка попыталась опуститься на постель. Тали вскрикнула и повалилась на здоровый бок.

Собравшийся было уходить, Бран вернулся. Склонился над ней, сосредоточенно оглядывая. Заметив темное пятно на брюках девушки, нахмурился.

– Так, давай-ка посмотрим, что тут у нас.

Бран, аккуратно орудуя ножом, разрезал штанину. Тали ойкнула, заерзала, пытаясь встать. Мужчина бережно, но твердо удержал ее, поднял свечу, осматривая рану. Достал из походного мешка бинт и флягу.

– Здесь самогон. Ничего лучше сейчас все равно не найти. Я обработаю края раны. Постарайся не двигаться.

Не двигаться не получилось. Во время процедуры Тали дергалась, мычала от боли и кусала кулак, боясь переполошить криками весь лагерь. Но белоярцу это не мешало. Судя по сновке, иметь дело с ранами ему доводилось не раз.

– Пока так, – сообщил он, закончив перевязку. – Завтра покажем тебя нашему лекарю. Сейчас его не добудиться. Ты тоже спи. Но для начала выпей-ка, – протянул флягу.

Тали не стала спорить. Сделала большой глоток и задохнулась на миг. Напиток был крепким, как и тот, которым она против воли угощалась в избе. Бран пристроил флягу рядом с постелью, извлек из мешка плащ, накрыл им девушку и вышел из палатки. Тали попыталась было поразмыслить над очередным безумным витком своей переменчивой судьбы, но голова

гудела от усталости, а может, от того, что она, оставшись одна, еще не раз приложила к флажке. Земля размеренно покачивалась под телом, отчего девушка быстро провалилась в глубокий сон.

В лесной избе горел свет. Два офицера белоярской армии – родные братья, сыновья хорошо известного как по эту, так и по ту сторону Эброльи князя Ольхема Лестерского, первого советника короля Кромака, – сидели за столом, рассматривая вещи несостоявшегося «языка» и обсуждая письмо герцога д'Ирва барону д'Варро.

– Они ждут нашего нападения со стороны леса. Причем ждут со дня на день, – констатировал Дар.

– Но мы же не собираемся наступать. И развязывать войну в наши планы не входит.

– Сдается мне, это вопрос уже решенный. Что помешает Ирву или тому же Варро симитировать нападение на любое приграничное селение? Способ проверенный. Думаю, так они и поступят. Что мы можем сделать? Метаться по всей границе в поисках лжебелоярцев в надежде обнаружить и ликвидировать их и тем самым разрушить планы императора Арвиса? У нас мало людей, сам знаешь, – Дар сокрушенно покачал головой. – Завтра же направлю письма командирам приграничных застав, пусть готовятся к длительной осаде. Отцу уже написал, изложил ситуацию, объяснил, что нужно как можно больше солдат. Надо укреплять крепости. Боюсь, война уже началась. Главное, успеть поднять княжества до того, как имперцы подтянут основные силы.

– Думаешь, успеем? Кромак до сих пор не верит, что Арвис решится нарушить мирный договор.

– Задача отца – убедить Кромака в реальности наступления. Полагаю, девчонка нам в этом поможет. Я написал отцу, что мы взяли пленника, который участвовал в провокациях трехлетней давности, и что вероятно повторение ситуации, только с другим исходом. Приложил письмо генерала д'Ирва. Думаю, с девчонкой отец сам захочет побеседовать. Нельзя допустить, чтобы она сбежала.

– Девочка ничего не помнит, – осторожно начал Бран.

Пленница будила в нем симпатию и еще какое-то непривычное, очень теплое чувство. Ему хотелось оградить ее от знакомства с князем Лестерским, ибо Бран справедливо полагал, что методы отца будут не мягче, чем способы ведения допроса братом, а то и покруче.

– Бран, неужели эта имперская шлюшка задурила тебе голову? Ты что-то задержался с ней в палатке. Может, она успела тебя ублажить?

Дар усмехнулся, наблюдая за тем, как вытягивается лицо брата. Нужно избавить его от неуместного романтического настроения. И Дар ему в этом поможет. Бран еще слишком молод, не искушен. Позволяет девкам крутить собой.

– Только не надо делать выводы о ее непричастности лишь потому, что она была не против.

– Да я рану бедняжке перевязывал! – возмутился Бран. – Ее тот тип по бедру полоснул. Рана небольшая, но глубокая. Утром отведу девочку к Ванку, пусть осмотрит. А ты, перед тем как ей лицо уродовать, лучше бы проверил, все ли в порядке с пленником.

– Бран, я женщин не бью и не пытаю, – поморщился Дар.

В отсутствие брата он всерьез размышлял над тем, вымыть руки с мылом или сразу опустить в крутой кипяток. Настолько отвратительным было осознание, что эти самые руки хлестали по лицу женщину, существо заведомо слабое, да и не слишком разумное. Но Брану того знать не следовало.

– Этим и отличаюсь от палачей тайной канцелярии. В остальном же я, как и они, служу интересам своей страны. Я понятия не имел, что передо мной девчонка. Когда ее привели, первое, что мне от нее было нужно, – информация о той возне, которую имперцы устроили на

границе. По бедрам шарить как-то недосуг было. Зато тебе самое приятное досталось. Ты у нас парень добрый, хороший, жаль только, как девку пригожую увидишь, так сразу дурак дураком делаешься. Девчонка похожа на пешку в чьих-то умелых руках или же ведет свою игру. Тебя не удивляет ее история? Слишком запутанная и не в меру драматичная.

– В том-то и дело, что удивляет, – согласился Бран, привычно пропуская мимо ушей подначки брата. – Действительно, история странная. Но подумай, стала бы шпионка придумывать такое? Соврала бы, что за женихом на войну отправилась или что-нибудь в подобном духе. И, к слову о женихе, именно его убили наши парни. Да не просто жениха, а графа д'Оррета – не последнего человека в империи. Разве это не подтверждает ее слова?

– Кого убили наши парни, неизвестно. То, что это именно граф д'Оррет, равно как и то, что они были помолвлены, может оказаться такой же выдумкой, как и некромантский обряд с потерей памяти. И хорошо бы если так. Смерть графа – прекрасный повод для объявления войны. А за девчонкой я буду очень внимательно наблюдать. И ты присматривай, да не увлекайся.

Утро было пасмурным. Настроение тоже. Тяжелый сон не принес бодрости. Нога болела, по телу разливался жар, сменяясь ознобом, отчего Тали металась в постели, то скидывая служивший одеялом плащ, то кутаясь в него с головой и стуча зубами от пробиравшего до костей холода. Бран зашел проверить, как обстоят дела, и, понаблюдав за тем, как девушка неуклюже пытается встать, убедился, что они весьма плачевны. Велел лежать и направился за лекарем.

Лекарь оказался веселым коренастым мужиком, почти до самых глаз заросшим бородой, с богатырским торсом, мощными волосатыми руками, лукавыми глазами и простонародным именем Ванок. Такому лесорубом быть, а не лекарем, подумала Тали. Дело свое он, однако, знал. Практически безболезненно избавил девушку от старой, задубевшей от крови повязки, внимательно осмотрел рану и приступил к манипуляциям, сопровождая их прибаутками. Рану обработали, зашили, перевязали. Тали напоили горьким снадобьем, после чего велели лежать день, а лучше два.

– Надо бы пациентку в домик перенести, пока жар не спадет, – обратился к Брану Ванок. – На улице дождь, в палатку натекает. Нехорошо ее на сырой земле держать. Барышня нежная, к суровой жизни непривычная, да еще с такой раной.

Бран без разговоров завернул Тали в плащ, подхватил на руки и понес в дом. Пинком открыл дверь и, игнорируя недоуменный взгляд брата, положил девушку на топчан, который служил Дару постелью.

– На печи поспишь, – таков был ответ на вопросительно вздернутые брови.

– А совещания мне тоже на печи проводить? И приказы с печи отдавать?

– В моей палатке можешь и совещания проводить, и приказы отдавать, и на бой благословлять. В общем, делать все, что тебе заблагорассудится. Ванок сказал, ей нужно находиться в сухом и теплом помещении. На улице дождь зарядил, и, судя по всему, надолго. Девочке необходима пара дней, чтобы в себя прийти. Жар спадет – вернется в палатку.

Видя, что брат непреклонен, Дар сдался. Подошел к Тали, потрогал лоб. Распахнул плащ, убедился, что нога перевязана.

– Ладно, пусть остается. Позови Ванка, чтобы за ней приглядывал, и идем в твою палатку. Совещаться и благословлять.

Весь день Тали провела в домике под присмотром Ванка, пила микстуры и отвары. Других раненых в лагере не оказалось, и мужчина оттачивал на ней свое мастерство, заодно развлекая пациентку байками из лекарской жизни. Заговаривать на темы, связанные с пребыванием белоярского отряда в лесу, ему строго-настрого запретили.

Поздним вечером, когда Тали уснула, Дар отпустил Ванка. Сам же долго стоял перед топчаном и рассматривал спящую пленницу, пытаясь понять причину беспокойства, которое

та вызывала в нем. Он старался убедить себя, что это беспокойство – не что иное, как забота о безопасности королевства, а девушка, безусловно, не так проста, как полагает Бран, и оказалась у них отнюдь не волей случая, а преследуя свои интересы, которые наверняка расходятся с интересами страны, оберегать которую он поклялся, едва взял в руки меч. И этот милый образ невинной простушки, провинциальной дворяночки, не более чем маска, скрывающая акульи оскал прожженной интриганки. Слишком легко она втерлась в доверие к брату. Слишком быстро расположила к себе отряд.

Тали ощутила пристальный взгляд, почувствовала опасность. Заворочалась во сне, и плащ, служивший одеялом, стек на пол. Кроме рубашки и бинта на ней ничего не было. Ничего, что могло бы угрожать жизни Дара или его брата, и уж тем более интересам Белояра. Зато были длинные стройные ноги, которые едва прикрывала сбившаяся рубашка, тонкая шея, изящество которой подчеркивали короткие темные пряди, и нежная белая кожа, отражавшая мерцающий свет свечи. Дар подавил тяжелый вздох, поднял плащ и накрыл девушку.

Лежа на печи, он размышлял о том, что слишком долго мотается по гарнизонам и крепостям, лишая себя тех маленьких радостей, которые частенько перепадают его солдатам. Стремления отца устроить выгодный брак Дар жестко пресекал. Ему хватило одного такого, короткого, оборвавшегося в один миг вместе с жизнью молодой жены, к которой он едва успел привыкнуть. Слишком хрупкой для этого мира, слишком болезненной, чтобы выносить и родить наследника.

Свой долг перед родом Дар считал исполненным. Теперь пусть брат воплощает честолюбивые планы старого князя. Мимолетные интрижки с придворными дамами заканчивались каждый раз при попытке очередной любовницы повести Дара под венец. А потом, с того момента, как на границе стало беспокойно, он большую часть времени проводил на заставах, лишь изредка прибегая к услугам тех женщин, чьим основным делом было дарить уставшим воинам радость плотских утех и иллюзию любви. Но подобные встречи будили брезгливость и оставляли неприятное послевкусие, как от скисшего вина.

Подниматься с кровати Тали позволили на третьи сутки. Жар спал в первый же день, но Ванку не хотелось лишаться благодарного пациента и внимательного слушателя, поэтому девушке для закрепления лечебного эффекта был предписан постельный режим. Несколько раз заходил Бран, говорил о пустяках, держал за руку и ласково улыбался. Он был похож на брата и одновременно сильно отличался от него. На общих чертах лица сходство заканчивалось. Бран был мягким и жизнерадостным человеком с открытым, веселым, добродушным взглядом. С девушкой вел себя обходительно и мило. Во время его посещений Тали томно вздыхала, трепетала ресницами и цвела румянцем. Дар же, став случайным свидетелем пары подобных встреч, мрачнел, как грозное небо, и бросал злобные взгляды исподлобья в сторону брата. Радел о безопасности королевства.

На подоконнике и столе словно сами собой множились букетики полевых цветов. Это солдаты из отряда Дара, те, кому по разным причинам довелось побывать в избе (а таких, кто не зашел поинтересоваться здоровьем юной пленницы, попросту не оказалось), выражали свою симпатию и желали Тали скорейшего выздоровления. Дар раздраженно наблюдал за тем, как его рабочий стол превращается в клумбу. Когда же количество цветов превысило порог его терпения, собрал их в охапку и выкинул на улицу. Тали слышала, как он отчитывает кого-то за дверь.

Через несколько минут на поляне поднялся шум, в котором хорошо различался звон металла. Тали бросилась к окну, ни секунды не сомневаясь, что на лагерь напали имперские солдаты. Никакого нападения, к счастью, не случилось. Просто командир решил выпустить пар, а заодно размяться и потренировать солдат. Баронесса собиралась вернуться к прерванному занятию, грезам о скорой свадьбе с Браном, но пластика будущего деверя заворожала ее.

Свесившись с подоконника, Тали увлеченно следила за ходом боя. Живя в доме барона, она частенько наблюдала за тем, как тренируются его солдаты, да и сама училась владеть мечом по настоянию отца. Случалось присутствовать и на поединках, которые забавы ради устраивали местные дворяне. Но ей ни разу не доводилось видеть настолько отточенной техники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.